

ХІ

АРИФМОЛОГИЯ

Кто имеет ум, тот сочти число...

Откровение Иоанна
13:18

Давай часть семи и даже восьми.

Книга Екклесиаста
11:2

Отложив предстоящую тему почти на самый последний момент, упомянем еще раз причину того, почему мы так поступили: «В начале было Слово» (Ин 1:1). Числа же или цифры играют в мироздании хотя и незаменимую, но все же служебную, подчиненную слову роль. Числа — вторичны по отношению к слову. Если развернуть эту мысль чуть более подробно, нам придется подчеркнуть, что вопреки мнению Пифагора и его гораздо менее последовательных сторонников, мир построен вовсе не на числе и не числом. Роль основоположения играет Слово — «Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин 1:3).

Конечно, исследуя мир, человек не мог не увидеть необычайной по стройности красоты, выраженной среди прочего и числами. Однако такое наблюдение привело многих к соблазну полагать, что Бог скрупулезно просчитал мир перед созданием его. Сей взгляд, уподобляющий Творца проектировщику, строящему здание, обнаруживает свою вздорность лишь только мы понимаем, что он путает причину со следствием, внося ложные представления о всемогуществе Бога. Ведь Бог Всемогущ и Всеведущ абсолютно, а вовсе не только лишь в рамках каких-то «объективно» существующих законов. Он создал творение таким, как оно есть, таким, каким мы можем его воспринимать, а это означает, что вместе с этим Он создал и законы, которые человек в гордыне овладения ими склонен поставить над Богом. Свет не потому распространяется от точки к точке по кратчайшему пути, а от перемены мест сомножителей произведение не меняется не потому, что Бог подчинился этим принципам в создании мира. Напротив, сии законы кажутся нам естественными и «объективными» потому, что мир создан так, как повелел Бог. По человеческому разумению, Он мог сотворить мир и иным, и тогда иные законы казались бы человеку естественными и «объективными». Но и в этом случае другой Иисус сын Сирахов или другой Соломон сказал бы: «Все создано для своего употребления» (Сир 39:27), и «все в мире спасительно» (Прем 1:14).

Иного рода критика такого взгляда была найдена нами у Чаадаева: «Когда мы осмеливаемся вкладывать в руку Создателя циркуль, то допускаем нелепость... Превращая Высшее существо в геометра, мы лишаем Его свойственной Ему вечной природы и низводим Его до нашего уровня... Здесь мы видим настоящий антропоморфизм*, в тысячу раз более вредный, нежели антропоморфизм простаков, не способных в своем пламенном устремлении приблизиться к Богу и представить себе духовное существо иным, чем то, которое доступно их пониманию, и поэтому

низводящих Божество до существа, подобного себе. В сущности и философы поступают не лучше» (Философические письма IV).

Числа и цифры лишь выражают меру естественности и пригодности «для своего употребления», к которым привык человек, но сами по себе они не создают ни естественности, ни истинности. Все сие создано Словом. Обращая внимание на это, мы вовсе не хотели выразить презрительного отношения к разного рода наукам о числах, и дабы кто-то не понял нас превратно, еще раз повторим — в выражении истины число играет незаменимую роль. Особенную роль они играют и в сохранении тайн Царства Небесного.

1.1

Выяснив в предыдущей главе арифмологическую тайну единицы, мы тем самым предварили повествование обо всей библейской науке символики чисел, доказательством существования которой мы, возможно, заинтересовали читателя с самого начала нашей книги. Раскрывая же остальные тайны арифмологии Священного Писания, мы должны будем дать разъяснения многих встречающихся в Библии чисел. Сразу заметим, что их смысловое значение не может быть столь разнообразным, чтобы, например, у числа «шестьсот шестьдесят шесть» был свой собственный смысл, не являющийся сочетанием расшифровок меньших чисел. Иными словами, имеется ограниченный ряд чисел, каждое из которых обладает своим собственным, неповторимым значением. Числа же, выходящие за пределы сего ряда, имеют некий суммарный смысл, а тайна, скрывающаяся за сими числами, является комбинацией более «простых» тайн. Помимо подобной возможности за пределами этого ограниченного набора находятся и некоторые числа, по крайней мере, на нынешней стадии нашего исследования не имеющие никакого смысла, на что нам также придется обратить внимание.

Однако чем же ограничен этот ряд? Другими словами, на каких главных числах основывается библейская арифмология? К большому сожалению, все нумерологические схемы, излагавшиеся до нас, по совершенно непонятной причине всегда ставятся в зависимость от заимствованной у арабов десятичной системы современной арифметики. Связано ли это с мнемотехникой, то есть с использованием при счете пальцев, коих человек имеет десять, — нам трудно судить об этом. Однако, ограничивая себя десятичной системой, довольствуясь лишь десятью (включая ноль) возможными знаками или шифрами тайн, истолкователь неизбежно надевает на себя духовные шоры, не позволяющие воспринять полноты истины. Ну почему основой счета является именно десятка, а не семерка (семь дней в неделе) или двенадцать (двенадцать часов на дне, двенадцать месяцев в году)? Разумного ответа на эти вопросы получить не удастся.

Попробуем все же использовать, вернее проверить, основанные на десятичной системе нумерологические схемы. Естественный вопрос, требующий ответа прежде, чем мы всерьез сможем заниматься наукой о смысле чисел (в данном случае пока десятичных), заключается в правилах приведения больших чисел к основному ряду (в данном случае к десяти первым).

Апологеты десятичных нумерологий, отличаясь весьма значительно в толковании, единодушны в том, что если число двузначно или содержит еще большее количество значащих цифр, то составляющие его цифры следует складывать до тех пор, пока мы не получим однозначное число. Например:

$$\begin{aligned} 12: &\rightarrow 1 + 2 = 3; \\ 153: &\rightarrow 1 + 5 + 3 = 9; \\ 666: &\rightarrow 6 + 6 + 6 = 18, \text{ и далее: } 1 + 8 = 9. \end{aligned}$$

И тут вдруг оказывается, что чуть ли не у всех больших чисел приведенные значения совпадают:

$$\begin{aligned} 18 \text{ (Лк 13:4, 11): } & 1 + 8 = 9; \\ 153 \text{ (Ин 21:11): } & 1 + 5 + 3 = 9; \\ 144\,000 \text{ (Отк 7:4): } & 1 + 4 + 4 + 0 + 0 + 0 = 9; \\ 1\,260 \text{ (Отк 11:3; 12:6): } & 1 + 2 + 6 = 9; \\ 666 \text{ (Отк 13:18): } & 6 + 6 + 6 = 18, \rightarrow 1 + 8 = 9. \end{aligned}$$

Этот факт послужил причиной соблазна такого эзотерика, как, например, Макс Гендель, который считал девятку коренным числом нашей нынешней ступени эволюции. Гендель и некоторые другие приписывают девятке определенные мотивы, напоминающие апоката́стисис, и считают, что девять является числом с уникально мистическим значением. Сия мысль настолько завладела некоторыми, что они вообще не почли нужным рассматривать другие числа. Конечно, всерьез считать системой нумерологию, которая содержит и толкует лишь девятку, мы не можем.

Однако современный мир знает и многие другие нумерологические схемы, среди коих можно упомянуть пифагорейскую, розенкрейцерову, теософскую и другие. Некоторые системы наверняка знакомы читателю много лучше нас, и читатель самостоятельно может проверить истинность известных ему нумерологических построений. Пробным камнем арифмологических схем могут послужить, к примеру, две Иисусовы формулы чудес, уже неоднократно упоминавшиеся нами:

$$\frac{5 \text{ хлебов} + 2 \text{ рыбы}}{5 \text{ тысяч мужей}} = 12 \text{ коробов (Мк 6:41–43);}$$

$$\frac{7 \text{ хлебов} + \text{несколько рыбок}}{4 \text{ тысячи мужей}} = 7 \text{ корзин (Мк 8:6–9).}$$

Подставив в эти формулы значения, предлагаемые проверяемой нумерологической школой, читатель должен получить откровение некой тайны. В случае же, если расшифровка даст бессмысленный результат, сие будет означать, что такая нумерология неверна, во всяком случае для того, кто признает авторитет Библии. Продолжение же пользования такой нумерологией станет равно отречению от христианского Писания.

1.2

Итак, мы не можем связывать себя путами построений, основанных на десяти знаках. Не можем мы ограничиться и примитивнейшим правилом упрощения сложных чисел, когда просто складываются значащие цифры. Подобные заблуждения свойственны, к сожалению, почти всем нумерологиям, которые когда-либо знал мир, и именно из-за наличия таких заблуждений, носящих всеобщий характер, мы не захотели пользоваться даже и самим термином нумерологии, предпочтя ему сравнительно незнакомое слово «арифмология». Отметим отдельно, что между арифмологией и классической нумерологией такая же большая разница, как между астрономией

и еженедельными астрологическими прогнозами бульварных журналов, как между химией и тщетными поисками буквально понимаемого философского камня, искомого алхимиком Средневековья. Итак, полностью отринув в нумерологии все, к чему привык и чем пользуется мир в наши дни, и даже полностью отринув самый термин нумерологии, можем ли мы предложить взамен нечто иное, новое?

Как мы настаивали с самого начала нашего повествования, «нечто новое» может быть лишь чем-то уже бывшим в веках прежде нас (ср. Ек 1:10). И сие нечто должно иметь, как и Ветхий Завет, глубокие иудаистские корни. Ведь если наша арифмология будет открывать лишь тайны Нового Завета, оставляя бессмысленной арифмологию более ранних Писаний, в том числе Торы, то ей будет грош цена. А может быть, что ключ к тайнам Торы еще древнее, ведь человек, написавший Тору «научен был... всей мудрости Египетской» (Деян 7:22). А то и еще древнее...

С этой точки зрения единственную могущую удовлетворить нас арифмологическую схему, являет собой система ТАРОТ¹ (TAROT), основанная не на десятичном счете, а на еврейском алфавите, то есть на *двадцати двух* буквах или соответственно на числах от единицы до двадцати двух. Мы не будем отвлекаться на историографические изыскания, связанные с системой ТАРОТ, ибо это только неоправданно раздуло бы наше повествование. К тому же книг на эту тему заинтересованный читатель найдет предостаточно. Мы даже не будем излагать все двадцать две тайны и двадцать два ключа, ибо некоторые из них находят в Библии весьма незначительное применение.

Дабы быть последовательными в наших рассуждениях, а также чтобы не делать двойной работы, мы должны начать с того, о чем мы повели разговор в самом начале главы. Речь идет о правилах приведения больших чисел к основному ряду. В этой связи мы высказались, мягко говоря, со значительной долей скепсиса в отношении предложений о простом сложении значащих цифр числа. Правило сложения значащих цифр безусловно требуют всегда преобразовывать число *двенадцать* в тройку. Однако в Библии число это, встречаясь многократно, нигде не связывается с тройкой более, нежели с единицей, получающейся вычитанием из двух одного. Против примитивного подхода, предполагающего простое сложение знаков, говорит и такой факт: окончательный результат этого преобразования будет существенным образом зависеть от основания системы счисления. Здесь мы рискуем запутать читателя в дебрях математики, поэтому отошлем особо интересующихся к приложению в конце книги.

Имея все сказанное в виду, будем всегда стараться раскладывать сложные числа на *сомножители*.

Однако читатель спросит, причем вполне справедливо: как же быть с тем, что одно и то же число может быть разложено на сомножители различными способами. Так, например, число 100 можно представить как $4 \times 5 \times 5$, и как 5×20 , и как 10×10 , или даже как $2 \times 5 \times 10$. Что же скажем? А дело просто в том, что так же, как у притчи может быть несколько толкований, и тайна числа может быть открыта по-разному. При этом нельзя упускать из виду, что притчу можно толковать как верно, так и ложно, — так же и разложение чисел требует известного умения. Универсального метода здесь опять дать невозможно.

¹ По непонятной причине, вероятно, по правилам французского языка, это название в русском языке принято произносить без конечного «т». Но ТАРОТ уже по одной древности своей не имеет отношения ни к французскому, ни к какому иному индоевропейскому языку. «Т» в конце должно звучать.

Читатель может знать, что если буквы, образующие слово ТАРОТ, написать по кругу, а затем читать «задом наперед», как в иврите, то получится ТОРА. Хотя, конечно, это не довод в обоснование наличия у системы ТАРОТ глубоких иудейских корней.

1.3

Итак, повторимся, еще раз сказав, что *единица* есть число Истины, символ Бога, Который *единственно* и есть *единый*. И тут мы не сможем согласиться с мнением христианских толкователей, которые считают, что христианство не отдает предпочтения какому-либо одному числу и не считает какое-то число священным. Решайте сами, разве есть помимо Единого какое-то другое число, могущее писаться с прописной буквы не только в начале предложения?!

Единица есть также и число проявления Бога в воспринимаемом нами мире — число Духа Святаго; та же самая единица представляет и число Логоса — Слова, Единого с Творцом. Напомним в десятый раз слова Иисуса: «Я и Отец — *одно*» (Ин 10:30). А разве сможем мы теперь избежать другого уподобления, Иисуса о Себе: «Я есмь путь и *истина* и жизнь» (Ин 14:6). Таким образом, мы вернулись к началу повествования о единице, которая есть число Истины, способом существования коей является единство внешнее и единство внутреннее. Нет и не может быть двух истин, и в истине не может быть ни частей, ни соответственно противоречий — «Благословен Бог истины» (2 Езд 4:40)!!!

Мы уделили единице, в том числе и в предыдущей главе, места вряд ли меньше, нежели требуется для того, чтобы читатель понял все ее грандиозное значение. Но этот символ обладает и еще одним исключительным, хотя для арифметики и тривиальным, свойством, в коем на самом деле присутствует высочайший смысл. Говорим мы о том, что в качестве сомножителя *единица всегда присутствует в любом числе*, по каким бы правилам мы ни раскладывали его. Об этом должен помнить экзегет, занимающийся тайнами чисел. На языке, свободном от символики, сие не сформулировано лучше, чем у Павла: «Бог один и тот же, производящий *все во всех*» (1 Кор 12:6); «*Все из Него, Им и к Нему*» (Рим 11:36).

С другой стороны, единица совершенно *невидима* в призывании. Как мы могли бы выразить сие другими словами? Весьма просто: «Бога не видел никто никогда» (Ин 1:18), Его «никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим 6:16).

2

Итак, единица — число Истины. Однако, по мнению некоторых, Истина — непознаваема. С этим утверждением можно поспорить, но и мы вынуждены признать, что Истина — не столь простая вещь, чтоб быть познанной лишь только мы захотим того. Что же связывает Истину с тем, чем человек может дерзнуть обладать? Что выражает Истину? Да, конечно же, выражением Истины является Премудрость. И число *два* в предлагаемой нами арифмологии является именно числом *выражения* истины, числом Премудрости, которая была следующей после Единого, началом пути Господа, прежде всех Его созданий, искони, от века, от начала, прежде бытия земли (ср. Прит 8:22–23). Сие число встречается в ключевых эпизодах Священной истории. Вероятно, начать надо с *двух* деревьев, которые «произрастил Бог из земли» (Быт 2:9). Впрочем, мудрость сего столь велика, что назвать это ключевым эпизодом будет излишней скромностью. Но разве не о таковом идет речь при описании того, когда «сошел Моисей с горы; в руке его были *две* скрижали откровения» (Исх 32:15)?

Может ли человек хотя бы приблизительно оценить мудрость Творца, рекшего: «Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут *два* одной плотью» (Мф 19:5; Мк 10:7; ср. Быт 2:24)? После сего Павел прибавил: «Тайна сия велика!» (Еф 5:32; ср. Филипп 60).

Тайну эту мы раскрыли в меру данного нам удела, но можем ли мы *оценить мудрость* того, почему человек сотворен так?!

Сия мудрость лежит в начале, концом же является то, чтобы «из *двух* создать в себе самом *одного* нового человека» (Еф 2:15). Так два становятся одним, а Мудрость превращается в Истину.

Продолжая наше исследование двойки, мы находим в книге премудрости Иисуса сына Сирахова фрагмент, коему опять-таки можно предпослать слова «Здесь мудрость» (Отк 13:18): «Как напротив зла — добро, напротив смерти — жизнь, так напротив благочестивого — грешник. Так смотри и на все дела Всевышнего: их по *два*, одно против другого» (Сир 33:14); «Все они [дела Господа] — *вдвойне*, одно против другого, и ничего не сотворил Он несовершенным» (Сир 42:25) — этим «Он устроил великие дела своей *премудрости*» (Сир 42:21). Будем надеяться, что и здесь читатель увидит или хотя угадает приоритет премудрости, устраиваемой при помощи противопоставления пар: зла и добра, жизни и смерти, света и тьмы. Однако мы ни в коем случае не можем допустить того, как это делается в некоторых нумерологиях, чтобы двойка была связана с диалектикой, с самим противопоставлением, с антитезой. Сие было бы очень большой ошибкой.

Пока мы не закрыли книгу Иисуса бен Сиры, приведем и такой фрагмент: «Говори, юноша, если нужно тебе, едва *слова два*» (Сир 32:9). И здесь речь идет о двух словах премудрости внутреннего человека, обращенных к внешнему.

Взгляните, разве возможно пройти мимо текста: «Что сон [Фараона] повторился *дважды*, это значит, что сие истинно слово Божие, что вскоре Бог исполнит сие» (Быт 41:32) — блестящая иллюстрация. Однако нельзя позволить себе впасть в искушение спутать двойку ни со словом «истинно», ни с сочетанием «слово Божие», и, чтобы для такой ошибки не было никаких оснований, приведем прямой перевод из Торы: «Повторился сон Фараона *дважды* потому, что уготовано это Богом, и вскоре Бог исполнит это».

Символика, а следовательно, и арифмология *двух* Заветов — Ветхого и Нового — общая, и мы естественным образом переходим к новозаветным свидетельствам. И здесь мы находим богатейшее поле деятельности исследователя-арифмолога. Тут и *два* динария доброго самарянина (Лк 10:35), и *две* рыбы из чуда о насыщении пяти тысяч (Мк 6:41), и то, что Иисус стал «посылать их [двенадцать Апостолов] по *два*» (Мк 6:7).

А теперь взглянем на эпизод ареста Иисуса: «Они [Апостолы] сказали: Господи! вот, здесь *два* меча. Он сказал им: довольно [т. е. достаточно]» (Лк 22:38). Петру предстояло трижды отречься от своего Учителя, «прежде нежели *дважды* пропоет петух» (Мк 14:30).

Итак, во всех случаях, когда читатель встречается в Священном Писании с числом два, смело читайте между строк Иоанново: «Здесь мудрость» (Отк 13:18).

Сказав сие, нам очень хотелось бы предложить читателю простой рецепт определения наличия двойки-мудрости в неких числах, подобно тому, как мы сделали это в случае единицы. Однако с двойкой все становится гораздо сложнее, и дело даже не в том, что двойка потенциально содержится в качестве сомножителя лишь в четных числах, но в том, что надо обладать особыми качествами, дабы увидеть мудрость там или тут. Мудрость требует кропотливого поиска, и здесь, чтобы не повторяться, мы можем отослать читателя к самому началу первой главы нашей книги: «Кто мало имеет своих занятий, может приобрести мудрость» (Сир 38:24). Для тех же, кто не вполне уверен в умении различать ее, и делает Иоанн замечания подобные этому: «Здесь мудрость».

3

Теперь нам предстоит разрешение тайны *тройки*. Древние иудейские корни вновь проповедываемой арифмологии не позволяют нам всерьез связывать этот символ с системотворчеством или — будем называть вещи своими именами — со спекуляциями (в худшем смысле этого слова) по поводу Пресвятой Троицы. Ибо триединость Бога в том виде, как она «понимается» современ-

ными догматическими богословами, или, тем более, троичность Его, идет вразрез с тем, что мы уже сказали в разделе, посвященном единице. Этой теме можно было бы отвести целую книгу.

Мы даже готовы были бы закрыть глаза на тот факт, что фраза из Евангелия от Иоанна: «Ибо *три* свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и сии три суть едино» (1 Ин 5:7) — является примитивной фальсификацией, присущей лишь славянской Библии. Этих слов нет и в помине ни в одном древнем рукописном тексте, а вместо них и в греческом оригинале, и в латинском переводах, и в других производных переводах Библии говорится: «Три свидетельствуют: дух, вода и кровь; и эти три об одном».

Даже сделав вид, что мы не замечаем сей шитой белыми нитками подделки, мы не можем не отметить, что то, какими чудовищными домыслами и ложными измышлениями обросла сия фраза, является для нас абсолютно неприемлемым, ибо противоречит Священному Писанию. Фундаменталистический, буквальный, подход к только что приведенному фрагменту послания Иоанна (в Синодальном переводе) столь же нелеп, как, если бы из завета Создателя о том, чтобы муж и жена были одной плотью, мы вывели догмат о двоичности семьи как единосущии мужа и жены, кои пребывают нераздельно и неслиянно. Но критика того, что мы считаем пагубными ересями и поношением пути истины (ср. 2 Пет 2:1–2), не является нашей главной задачей, поэтому мы приведем лишь некоторые доводы, ставящие под сомнение догмат о Троице.

Во-первых, Священное Писание не имеет ни одного упоминания сего слова или его производных. Можно было бы допустить, что догмат о троичности Бога есть некая тайна, сокровенная по причине опасности, которую знание сей тайны могло бы причинить недостойным. Если не так, то в силу каких загадочных причин *вся* Библия, включая также и Новый Завет, говорит только лишь о Единстве Бога и нигде не упоминает ни Троицы, ни троичности? И если Сын Божий и «бог-сын» суть одно и то же, то почему сей «бог-сын» ни разу не упомянут во всем Священном Писании?

Ответ очевиден: сие представление относится исключительно к учениям человеческим. Оно не имеет основания в Учении, но было изобретено, дабы удовлетворить решениям Вселенского собора в Никее. В этом случае, говоря о Троице, как ни в одном другом случае стоит задуматься, о чем и для кого, и не напрасно ли писал Павел: «Братия! говорю по [рассуждению] человеческому [так как Божия не разумеете]: даже человеком утвержденного заветания никто не отменяет и не прибавляет к нему» (Гал 3:15), не тем ли более к Завету Господню?!

Во-вторых, со времен принятия Никейского Символа веры в 325 году ни один из богословов так и не был в силах изъяснить, что же означает, что Отец и Сын суть нераздельно и неслиянно. При этом их неразумение того, о чем говорят, желая быть законоучителями (ср. 1 Тим 1:7), без стеснения возводится в ранг праведности.

Сие сильно смахивает на те невразумительные языки, о коих говорит Павел (ср. 1 Кор 14:8–13). Он пишет: «Когда я молюсь на [невразумительном] языке, то хотя дух мой и молится, но *ум остается без плода*. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и *умом*; буду петь духом, буду петь и *умом*... В церкви хочу лучше пять слов сказать *умом* моим, чем тьму слов на [тайном] языке» (1 Кор 14:14–19). Умом, однако, ничего вразумительного сказать не удастся, равно как не удастся и истолковать таковые языки, в чем отцы и признаются, прикрываясь Тертуллиановой формулой: «Верую, ибо абсурдно». Соответственно им ничего не остается, как верить в абсурдного бога. «Так если и вы языком произносите *невразумительные слова*, то как узнаете, что вы говорите? *Вы будете говорить на ветер*» (1 Кор 14:9). Их слова действительно далеки от вразумительных, и они и вправду говорят на ветер.

В-третьих, даже если поверить пресловутой формулировке, что «Бог един в трех лицах», то позволительно спросить: не абсурд ли размышлять о количестве лиц Того, «Которого никто из

человеков не видел и видеть не может» (1 Тим 6:16)? И лишь воспринимая Бога чисто антропоморфически — в виде старика, расхаживающего по Едемскому саду, — можно не замечать таких слов: «Бог есть Дух [в Синодальном переводе, к сожалению, с маленькой буквы]» (Ин 4:24); «Господь есть Дух» (2 Кор 3:17).

В-четвертых, в-пятых, в-шестых, мы могли бы привести множество Самому Иисусу принадлежащих речений, опровергающих троичные положения.

Например, они говорят: «В... Троице нет ничего до или после, ничего большего или меньшего, но все три Лица совечны и соравны... Потому тот, кто желает пребыть в состоянии спасения, пусть так помышляет о Троице» (Афанасиев Символ веры); «Отец — не более Сына» (Августин. О Троице VIII, Вступление). Православный катехизис соединяет сказанное Афанасием и Августином: «Нельзя помыслить того, что Бог-Сын в какой-то мере неравен Отцу». А не надо ничего помышлять. Все, что надо — это открыть Евангелие от Иоанна: «Отец Мой *более* Меня» (Ин 14:28).

Вспомним упомянутый нами в начале книги (I.П.4.1, с. 68) случай: «Подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог» (Мк 10:17–18). То есть Иисус свидетельствует, что один только Бог благ, а Себя благим Он называть запрещает. Если бы он был Бог, Он был бы благ, и запреты называть Себя благим были бы совсем неуместны. Что тут еще объяснять? Иисус не считает Себя Богом.

Но если Иисус — Всеведущий, Всевидящий, Всесильный, Вездесущий и Всемогущий Бог, то как же могло случиться, что Он говорил: «Дать сесть от Меня по правую сторону и по левую *не от Меня зависит*, но кому уготовано Отцем Моим» (Мф 20:23); «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут. О дне же том, или часе, *никто не знает*, ни Ангелы небесные, *ни Сын*, но только Отец» (Мк 13:31–32)?

Вернемся вновь к приведенному уже фрагменту Откровения: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его» (Отк 3:21). Апологеты троичности Бога не смогут ответить на вопрос: когда было время, при котором Тот, от лица Кого ведется повествование, не сидел еще с Отцем на престоле Его, но боролся, чтобы победить?

Теперь взглянем на описание искушения Иисуса от диавола в пустыне, куда он был возведен Духом (Мф 4:1–11; Лк 4:1–13). Тут мы встанем перед выбором: либо признать апофеоз Тертуллианова абсурда, при котором Бог одной Своей ипостасью позволяет искушать от диавола другую Свою же ипостась, то есть Самого Себя по единосущию, — и все это при том, что «Бог не искушается злом» (Иак 1:13); либо отворотиться «негодных... и *бабых* басен» (1 Тим 4:7) и спросить себя: «Не обман ли *в правой руке* моей?» (Ис 44:20). Ведь задача правой руки понятна: «Ты держишь меня за правую руку» (Пс 72:23). Что же вместо истины в правой руке традиционного богословия?

Правда, книга Бытия (Быт 18:1 и далее) содержит описание явления трех мужей Аврааму. И он даже обращается к ним в единственном числе. Быть может, этот эпизод может служить в чьих-то глазах доказательством существования Отца, и Сына, и Святого Духа (впрочем, Их существования и мы не отрицаем). Но каким таинственным образом эпизод явления Божиих Ангелов Аврааму может служить в пользу доказательства нераздельности лиц Троицы?! В конце концов ему явились три совершенно отдельных мужа, а не сиаемские близнецы-тройняшки... Три мужа, явившиеся Аврааму, существуют вполне раздельно: «Те *два* Ангела [из числа трех мужей] [пошли] в Содом» (Быт 19:1) к Лоту, а куда делся третий, коль скоро он должен был олицетворять Троицу? Или нам сделать вывод, что Аврааму Бог предстал как Троица, а Лоту как «двоица»?

На самом деле до «конца концов» в истории трех мужей, явившихся Аврааму, далеко. Однако сомнения в том, что в виде сих трех мужей или скорее ангелов явился Сам Господь Бог, посчитавший, что настал удобный случай, чтобы стать видимым, только усиливаются, когда мы читаем, чем кончился разговор трех мужей с Авраамом: «И обратились мужи оттуда и пошли в Содом; Авраам же еще стоял пред лицом Господа» (Быт 18:22). То есть мужи пошли, а Авраам остался стоять и при этом находился пред лицом Господа. Иными словами, Господь Бог и три посланных им мужа суть совершенно разные персонажи. Так что, как ни взгляни, идентификацию Бога с некой Троицей можно осуществить, лишь притянув за уши.

Мы столь рьяно ратуем против тринитарного христианства вовсе не потому, что разделяем унитарные взгляды. Последние на самом деле не много более справедливы, нежели первые. Тем не менее мы не считаем уместным полемизировать сейчас, к примеру, со свидетелями Иеговы¹, ибо наша настоящая задача — истолкование символики тройки. Вышесказанное является лишь предостережением от опасности извращенного толкования сего числа. Кроме того, мы не хотим перегружать наше повествование преждевременными деталями. Наше повествование и без того не так легко вместить.

3.1

Но если не троичность, то каков же следующий после премудрости основополагающий принцип, на котором строится все сотворенное Богом? Достаточно ли одной Премудрости для выражения Истины? Не окажется ли такое выражение Истины источником mnogой печали (ср. Ек 1:18)? И не окажется ли такая мудрость медью звенящей (ср. 1 Кор 13:1)?

В стремлении найти правильный ответ вспомним, что премудрость символизирована светом. Но какие стихии, поддерживающие Царствие Отчее, остались пока без внимания? Ответ дает все тот же Павел: «А теперь пребывают сии *три*: *вера, надежда, любовь*; но любовь из них больше» (1 Кор 13:13).

Впрочем, мы будто пытаемся доказывать, что тройка действительно олицетворяет сих *трех*. Нет, в этом нет нужды. Наша же задача заключается лишь в том, чтобы проверить, так ли обстоит дело в Библии.

Приводя примеры тайны тройки, нам, видимо, лучше начать с тех, где фигурирует и двойка, сокровенный смысл которой уже открыт:

«Не достаточно одного свидетеля... при словах *двух* свидетелей или при словах *трех* свидетелей состоится дело» (Вт 19:15); «при устах *двух* или *трех* свидетелей будет твердо всякое слово» (2 Кор 13:1). Раскрывая смысл этого, скажем: само по себе утверждение об истинности (т. е. один свидетель) чего бы то ни было, на что не скупятся лжепророки, само по себе еще не доказывает истинности утверждаемого, но требуется еще и подтверждение, основывающееся на наличии в сем мудрости с любовью. Тут-то мы обязательно вспомним Павла в другом контексте: «Если... имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я — ничто» (1 Кор 13:2).

¹ На самом деле разговор со «свидетелями» — короткий. Ведь в Боге нет и тени перемены (ср. Иак 1:17). Сей тезис неоспорим. Но Он и в Ветхом Завете зовется Отцом (ср. Ис 64:8; Мал 2:10). Это тоже несомненно. Следовательно, не было *времени*, когда Бог не был Отцом; Бог не мог *некогда* превратиться в Отца. Значит, чтобы *всегда* быть Отцом, Он должен и Сына иметь *всегда*. Никакого противоречия предыдущим рассуждениям у нас нет, если только не путать «всегда» как категорию, относящуюся ко времени, с вечностью, со временем ничего общего не имеющей. Разрешение проблемы — в понимании времени. Вот от возможности изъяснения проблемы времени мы, к сожалению, еще весьма далеки. Но дайте срок...

«Где двое или [или, и] *трое* собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20). Заметим, что сказанное может быть понято как «двое или *еще и* трое». При этом очевидна глупость буквальной арифметики этих слов: если двух достаточно, то зачем упоминать еще и трех? Но мы понимаем, что соединение во имя Христа мудрости и любви с надеждой и верой дает достижение, открытие в себе Слова. Переведа последнюю формулу в числовые знаки, мы получаем абсурдную с арифметической точки зрения формулу: $2 + 3 = 1$, которая тем не менее составляет одну из тайн Царствия.

Теперь обратимся к примерам на тройку в чистом виде:

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь» (Мф 22:37; Мк 12:30; Лк 10:27), — сию-то любовь к Господу и свидетельствуют сыны Израилевы *трижды* в год: «*Три* раза в году должен являться весь мужской пол твой пред лице Владыки, Господа Бога Израилева» (Исх 34:23); «и никто не должен являться пустым» (Вт 16:16).

Иисус *трижды* задает один и тот же вопрос Петру. И что это за вопрос? — «*Любишь ли ты Меня?*» (Ин 21:15–19).

Не стоит пропускать, оставляя без внимания в арифмологическом аспекте, символ *трех* хлебов из Евангелия от Луки (Лк 11:5), а также притчу: «Царствие Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в *три* меры муки, доколе не вскисло все» (Мф 13:33; Лк 13:21). И вправду, как можно было бы внешнему человеку достичь Царства Небесного без веры, надежды и большей из всех любви?

Наконец, взглянем на сцену искушения Христа в пустыне. Искушений было *три*, и, следуя хронологии событий Матфея, сперва Иисус был искушаем в отношении истинности Своей надежды — «скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф 4:3), затем в отношении истинности веры — «бросься вниз... да не преткнешься о камень» (Мф 4:6) и, наконец, в отношении истинности любви — «если пав, поклонись мне [дьяволу]» (Мф 4:9).

Удовлетворимся сими примерами символики тройки, оставив некоторые свидетельства про запас.

4

Прежде чем перейти к большим числам, заметим, что пока мы говорили о невидимом. Но теперь пришла пора и видимого. Число *четыре* собственно и означает творение, тварь.

Переходя к описанию арифмологии *четверки*, мы впервые почти полностью попадаем в объятия традиционной христианской экзегетики чисел, если только те несколько строк, которые стыдливо жмутся в кратком предметном указателе к католической толковой Библии, можно назвать экзегетикой чисел. Мы подчеркнули, что речь идет о католических толковниках, ибо другие конфессии вообще не признают за числами никакого смысла. (Исключение делается только для тройки, символизирующей, по их мнению, Троицу.)

Итак, *четверка* является символом (физического) творения, вещного мира, космоса, века сего, или даже, говоря более кратко, — понимая под этим ту среду, в которой живет человек, — просто мира (миръ), как о нем говорит Новый Завет (Ин 8:23; 12:31; Иак 4:4; 1 Ин 2:15–17).

Не имея возможности привести столь же яркую цитату из канонических книг, начнем «свято-отеческим» фрагментом: «Мир поддерживается *четырьмя* стихиями» (Ерм. Пастырь I.3:13). Далее обратим внимание: мир имеет четыре стороны, четыре ветра (Зах 2:6; Дан 7:2); земля в качестве синонима мира имеет четыре угла (Ис 11:12; Отк 7:1). Такие примеры можно множить, однако в этом нет никакой нужды. Взглянем лучше, какие ассоциации вызывает четверка,

не забывая при этом однозначного отношения к миру, проповедуемого учениками Иисусовыми: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин 2:15).

Итак, одежды распятого Иисуса «разделили на *четыре* части» (Ин 19:23), а из следующих слов — «каждому воину по части» — безусловно следует, что воинов, распинавших Иисуса также было *четыре*. То есть Христа распял мир (мир, космос) — «мир Его не познал» (Ин 1:10).

Лазарь, прежде нежели быть воскрешенным Иисусом, пребывал «*четыре* дня в гробе» (Ин 11:17).

Мы чуть было не упустили такое: «*Четыре* сохраняются до того времени, когда будет близок конец его; а *два* сохраняются до конца» (3 Езд 12:21).

Наконец и крест, на котором распяли Христа, имеет четыре конца — не шесть, не восемь, не двенадцать. А Павел пишет странные вещи: «Я не желаю хвалиться, разве только *крестом* Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня *мир распят*» (Гал 6:14).

Наверное, если бы мир традиционного взгляда на сотериологию* обратил достойное того внимание на эту вскользь оброненную мысль Павла, то восприятие и апокрифических писаний не вызывало бы так много трудностей и споров. Ведь Филипп пишет о том же, хотя без Павла его мысль воспринималась бы как очень странная: «Иисус... Его называют по-сирийски Фарисатха, то есть Тот, кто распространился [распялся]. Действительно, *Иисус пришел, распяв на кресте мир*» (Филипп 53).

Вот ведь оказывается что — с приходом Иисуса Христа мир распят! И это есть еще одна сокровенная тайна Царствия Отца: Мир распят на кресте! Мир, имеющий четыре конца, четыре стороны в прямом и в переносном смысле, можно распять только на кресте, имеющем также четыре конца. Не в этом ли путь к разгадке тайны соблазна креста, о коем и пишет Апостол в том же послании (Гал 5:11). Ведь крест превращен в магический знак, неизъяснимым образом спасающий традиционно верующих христиан. Крест превращен в еще одного идола.

По прошествии мира сего, по истечении века сего, наступает век грядущий, век будущий: «Не говорите ли вы, что еще *четыре* месяца, и настанет жатва?» (Ин 4:35). Ну конечно же, по истечению четырех наступает время Царства Небесного, наступает жатва, и надо преодолеть препятствие в виде мира, в виде «четырёх месяцев», чтобы достичь Царствия Божия.

И вовсе не случайно Петр и Иисус оказались вдвоем, имея в виду, что их суммарная подать собирателям дидрахм (Мф 17:24) оказалась равной именно *четырем* драхмам, от коих просто нужно было избавиться: «Первую рыбу [т. е. и *единственную*], которая попадетсЯ, возьми и, открыв у ней рот, найдешь статир [тетрадрахму, то есть *четыре* драхмы]; возьми его и отдай им за Меня и себя» (Мф 17:27). Очень хотелось бы, чтобы читатель и без нас сообразил, что *одна рыба* есть символ, весьма трудно совместимый с четырьмя драхмами, почему они и отдаются прочь.

А как можно было бы назвать мирского царя с арифмологической точки зрения? Такой властитель был бы властителем над четырьмя, что звучало бы по-гречески как τετράρχης (*тетрархес*), иными словами, начальник над четырьмя (провинциями), четверовластник. И именно таким именем и назван царь Ирод в Евангелии от Луки (Лк 3:1): «*четверовластник*»¹.

Весьма характерным числом для мира сего, для века сего, является *сорок*, представимое как произведение четырех и десяти: $40 = 4 \times 10$. Сейчас мы не будем говорить про десятку, хотя читатель может помнить ее значение. Итак, чем же замечательно число *сорок* в характеристике мира? А оно попросту является символом испытаний и тягот мира сего: Во времена потопа «лился на землю дождь *сорок* дней и *сорок* ночей» (Быт 7:4, 12, 17);

¹ Мы имеем в виду славянскую Библию, в Синодальном русском переводе ошибочно — четверовластник.

Сорок лет продолжался поход иудеев, водимых Моисеем по пустыне (Чис 14:33; Ам 2:10): «Помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог Твой, по пустыне, вот уже *сорок* лет, чтобы *смирить* тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди его, или нет» (Вт 8:2).

Сорок — максимальное число ударов достойному побоев по решению судьи: «Сорок ударов можно дать ему, а не более, чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен перед глазами твоими» (Вт 25:3).

«*Сорок* дней и *сорок* ночей» (Мф 4:2) постился Иисус в пустыне, «быв искушаем от диавола» (Лк 4:2), смирил Себя и *победил* и распял мир.

5

По прошествии четырех (месяцев), избавившись от мира, мы попадаем в долгожданный рай — из века сего в век грядущий, Царствие Небесное. На самом деле *пятерка* более выражает образ «тайн Царства Небесного» (Мф 13:11), без коих само Царство можно представлять лишь формально и фундаменталистически.

Начнем с того, что книг Моисеевых, составляющих Тору, — пять.

Затем, мы многократно обращали на сие внимание, *первое* из чудес о насыщении толп народа, осуществлено *пятью* хлебами (Мф 14:17–21; Мк 6:38–43; Лк 9:13–14; Ин 6:9–13).

Не пропустим мы и того, что участвующих было числом *пять* тысяч (кроме женщин и детей).

Почитаем далее следующее: «Не *пять* ли малых птиц продаются за *два* ассария?» (Лк 12:6). И вправду, не мудростью ли познаются тайны Царствия?

А разве не удивительно, что наибольшее число талантов, данных кому-либо из рабов, составило *пять* (Мф 25:15–16)?

Не случайно Павел предпочитает «лучше *пять* слов сказать умом... нежели тьму слов на [тайном] языке» (1 Кор 14:19).

Обратимся к Евангелию **Фомы**, напомнив, что оно начинается так: «*Это — тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома. И Он сказал: Тот, кто обретет истолкование этих слов, не вкусит смерти*» (Фома 1). В том же контексте у **Фомы** встречается чисто арифмологическая загадка: «Есть у вас *пять* деревьев в раю, которые неподвижны и летом и зимою, и их листья не опадают. Тот, кто познает их, не вкусит смерти» (Фома 19).

Теперь, пожалуй, наступил подходящий момент вернуться к десяти девам, из коих «*пять* было мудрых и *пять* неразумных» (Мф 25:2). Как мы говорили в предыдущей главе, не следовало делать поспешного вывода о равном делении всех палингенезий блудного сына на нисходящий и восходящий пути. Наоборот, весьма оправдано будет утверждение, что на восходящий путь может потребоваться всего одна палингенезия, если внешний человек успеет пройти необходимые посвящения вместе с внутренним. Общее же число мудрых дев, попадающих на брачный пир, составляет еще одну тайну Царствия Божия, то есть *пять*.

Заметим, что и количество неразумных девиц составляет *пять*. Что это, случайное совпадение, явившееся результатом вычитания числа мудрых дев (5) из общего их числа (10) или простого деления десятки пополам? Или число неразумных, оставленных во тьме внешней с гаснущими светильниками, также составляет тайну? Но случайностям нет и не может быть места в богодухновенной книге.

Читатель, должно быть, помнит о связи пяти неразумных дев с нисходящим путем блудного сына. На своем нисходящем пути он имел весьма определенные связи с *блудницами* (ср. Лк 15:30). Не с *пятью* ли блудницами?

Знакомство с символикой блуда позволяет нам приоткрыть завесу последней тайны пяти. Для этого нам придется еще раз открыть Евангелие от Иоанна на странице, где Иисус ведет разговор с самарянкой, у которой также было *пять* мужей: «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было *пять* мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала» (Ин 4:17–18). Эти-то *пять* мужей суть не кто иные, как красками нарисованные изображения вырезанных на стене мужчин, увидев которые она влюбилась в них по одному взгляду очей (ср. Иез 23:14–16).

И число неразумных дев, и число мужей (которые на самом деле и не мужи вовсе) самарянки выражается пятеркой. Связано ли сие с тайной и с какой? Такая связь есть, и тайна сия имеет совершенно определенное название. Это — «тайна беззакония» (2 Фес 2:7). Однако в отношении ее не будем торопить события. Ей отведена вся следующая глава.

5.1

Прежде чем перейти к изъяснению символики бóльших чисел, мы должны сделать одно наблюдение касательно кажущейся непоследовательности в наших правилах операций с числами. В начале настоящей главы мы говорили о разложении чисел на сомножители, и поэтому могло показаться, что мы отрицаем право на существование такой операции, как разложение на слагаемые. С другой стороны, мы как ни в чем не бывало представили десятку как сумму двух пятерок (Мф 25:2), а чуть ранее пятерку как сумму двойки и тройки (Мф 18:20).

Кто-то из наших читателей мог подумать, что в соответствии с нашим первым правилом мы должны были в последнем случае перемножать два на три или же представлять десятку в виде произведения двух и пяти. На самом деле это не совсем правильно, и здесь мы должны привести дополнительные объяснения.

Дело в том, что правило разложения на сомножители привлекается тогда, когда мы имеем дело с некоторым понятием с определенными свойствами. В этом случае само это понятие на арифмологическом языке фигурирует как один из сомножителей, в то время как остальные сомножители фигурируют в качестве коэффициентов при главной величине — представляют вторичные свойства этого понятия. Задача же толкователя — выяснение того, который из сомножителей является главным, а какой второстепенным.

Например, произведение трех, двух и пяти может означать любовь (3) мудрую (2) и тайную (5). Во всех остальных случаях, впрочем, мы сталкивались бы с трудностями. Что могла бы означать мудрость любовная и тайная, или тайна любовная и мудрая? Последние два толкования кажутся гораздо менее вразумительны, нежели первое. Любви в этом сочетании еще и потому трудно отвести второстепенные роли, что любовь всех больше (ср. 1 Кор 13:13).

Совсем другое дело говорить о комбинации различных понятий, как в упомянутом случае соединения мудрости и любви во имя Христа.

6

Следующим после пятерки числом, требующим истолкования, является *шестерка*. Ее символика в системе ТАРОТ заключается в *разделенности*, отделении, различении, в том числе *различении или познании добра и зла*, то есть в *сознании*.

Свидетельства о шестерке мы находим уже на *шестой* день творения, ведь именно на шестой день был создан человек «мужчиной и женщиной» (Брейшит 1:27). Мы сказали достаточно в связи с разделенностью человека, и в этом смысле такое предзнаменование человеку — сотворение его на *шестой* день — весьма показательно.

Разделенность человека, делающая его несовершенно, ведет к несвободе, рабству. Тогда же, когда человек станет единым, он станет и совершен и свободен. И вот мы читаем: «Если купишь раба Еврея, пусть он работает *шесть* лет, а в седьмой пусть выйдет на волю даром» (Исх 21:2; Вт 15:12; Иер 34:14), то есть свобода обретается лишь после преодоления разделенности.

Внутренняя разделенность человека не может не означать и его отделенности от Господа, и, по словам Павла, «водворясь в теле, мы устранимы от Господа» (2 Кор 5:6). Поэтому из семи дней недели шесть отданы суете, не могущей существовать в отсутствие разделенности: «*Шесть* дней делай дела твои, а в седьмой день покойся» (Исх 23:12).

Теперь почитаем Матфея с Марком: «И по прошествии дней *шести* взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и *преобразился* пред ними» (Мф 17:1–2; Мк 9:2). Читатель, надемся, понимает, что такая точность хронологии деяний Иисуса не может иметь значения при буквальном понимании, особенно же в случае, если не четко определена точка отсчета, — шесть дней спустя после какого события наступило преобразование Иисуса? И если в Евангелии Матфея таким событием является Нагорная проповедь, то у Марка смысл счета дней для буквалиста теряется. Тому же, кто знаком с арифмологией, становится ясно, что преобразования возможно достичь, только преодолев внутреннюю разделенность — спустя шесть дней.

Заглянем в книгу Иисуса Навина, где описывается, как стояли *шесть* дней стены города Иерихона, а на седьмой рухнули (Нав 6:1–20). Но ведь стена есть лучший образ для описания разделенности. И здесь разделенность сохраняется не дольше чем до преодоления шести.

А теперь взгляните на следующий эпизод Нового Завета: «Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около *шестого* часа» (Ин 4:6). Для понимания сего весьма полезно будет вспомнить слова Павла: «Христос в вас, упование [надежда] славы» (Кол 1:27). Разве трудно теперь связать воедино сии две формулы? В каждом человеке есть источник воды — колодезь надежды, или упования, около которого в каждом сидит, утрудившись от пути, Христос; времени же в каждом около *шестого* часа.

Подобные нюансы нельзя упускать из Евангелий ни в коем случае, и мы не столь богаты, чтобы разбрасываться такими сокровищами, как то, что во время казни Иисуса «От *шестого* часа тьма была по всей земле» (Мф 27:45; Мк 15:33; Лк 23:44).

Итак, человек разделен и устраним от Бога (ср. 2 Кор 5:6). Но означает ли сие полное лишение его духовных даров, даров Духа Святаго? Значит ли, что человеку заказан путь к откровению Духом? Ответ на этот вопрос содержится в символизме того, каким образом «положил Иисус начало чудесам» (Ин 2:11): «Недоставало *вина*... Было же тут *шесть* *каменных* водоносов... вмещавших *две* [!] или *три* [!] меры. Иисус говорит: ...наполните сосуды водою. И наполнили их до верха» (Ин 2:3–7). Из дальнейшего (Ин 2:9–10) мы узнаем, что вода обратилась в вино.

Что описано сим? Да то, что разделенный человек представляет собой пустой (о, если бы только пустой, но он часто полон нечистот, и он должен быть очищен) сосуд (*шесть* водоносов), могущий вместить и мудрость (*две* меры), и любовь (*три* меры). Сей сосуд надо наполнить надеждой (*водою*), а уж пребывающий в человеке Христос силен обратить надежду ту в откровение (*вино*) Святаго Духа.

Мы ничего не сказали пока о числе зверя, «шестьсот шестьдесят шесть» (Отк 13:18), хотя какие-то смутные догадки, вероятно, уже мелькают в голове читателя. Конечно, число зверя — число человеческое — связано с шестеркой, однако оно слишком велико, чтобы нам тут же представить его истолкование. Позже мы тем не менее такое истолкование приведем.

Читатель не должен думать, что число *шесть* имеет только явную негативную окраску, ибо «Все соделал [Господь] премудро» (Пс 103:24). Но нам сейчас слишком рано говорить о благе, извлекаемом из разделенности человека, хотя мы достаточно сказали о сознании как способности человека отличать добро от зла и истину от лжи. Что делал бы человек, оставшись один, не обрета способности такого различения?!

7

Успокоив ли, обеспокоив ли этим читателя, мы переходим к следующему числу, которое столь часто встречалось нам в толкованиях шестерки. Итак — *семерка*. Имя того, что сокрыто за сим символом звучит очень кратко, но понимать это слово нужно весьма широко, ибо семь есть число *закона*. При чем семерка имеет, конечно же, отношение к закону совершенному, когда все подчинено этому закону — в мире ли, на небесах ли, в движении ли, в покое ли, — и не требует никакого вмешательства извне. Такого вмешательства не требуется даже со стороны Творца, ибо «все создано для своего употребления» (Сир 39:27), «все в мире спасительно» (Прем 1:14) и *совершенно*: «И совершил Бог к *седьмому* дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог *седьмой* день, и освятил его; ибо в онный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт 2:2–3). Мотив невмешательства Бога в Им же заведенный порядок отчетливо звучит в таких словах: «Всевышний на весах взвесил век сей, и мерою измерил времена, и исчислил часы¹, и *не подвинет и не ускорит* до тех пор, доколе не исполнится определенная мера» (3 Езд 4:36–37).

Семерка является, если можно так выразиться, универсальным числом закона. Например, *семь* может выражать закон заповедей человеческих. Но может выражать и закон совершенный, в связи с чем ее слишком часто путают с собственно совершенством, хотя, как понимает читатель, любая подчиненность даже совершенному закону не совместима со свободой, а значит — и полным совершенством. К тому же, «если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона» (Гал 3:21), однако «закон ничего не довел до совершенства» (Евр 7:19).

И вот, в качестве универсального числа семерка используется в заповеди о жертвах Господу: «В эти *семь* дней праздника он должен приносить во всесожжение Господу каждый день по *семи* тельцов и *семи* овнов *без порока*» (Иез 45:23, ср. Лев 23:18). Читатель не может забыть того обстоятельства, что в качестве жертвенных могут выступать лишь чистые животные, ибо жертвы вносятся в храм, а мы надеемся, читатель помнит, символом чего является храм.

Размышления, на которые наводит только что поднятый вопрос, помогут нам понять и то, почему Господь велел Ною: «Всякого скота *чистого* возьми по *семи*... а из скота *нечистого* по *два*... также и из птиц небесных по *семи*» (Быт 7:2–3). Связующим звеном в логике наших рассуждений должен стать тот самый теленок, что встречался нам в Притче о блудном сыне

¹ Сказанное не опровергает ни наших слов (с. 331), ни слов П. Я. Чаадаева. Речь здесь идет о времени, а не вообще о творении, а время — особая статья.

(Лк 15:27–30), ибо сей теленок был заколот в пищу. Но ведь именно по этому принципу подразделяются чистые животные от нечистых — первые годны, а вторые не годны в пищу. Что же мы получаем в итоге? Господь Бог повелевает Ною взять то, что является символом годного в пищу совершенного закона, ассоциируя сие с семеркой, но и нечистого, запретного, велит взять, ибо и там есть мудрость. Не странно ли это? Никак, ибо и Иисус говорил: «Будьте *мудры, как змии*, и просты, как голуби» (Мф 10:16). Иными словами, и от нечистого берет то, что связано с двойкой — с мудростью.

Продолжая тему семерки, обратим внимание на абсурдную с точки зрения «здорового смысла» и буквального восприятия притчу: «Даже бесплодная рождает *семь* раз» (1 Цар 2:5). Для понимания смысла сей мудрости нам придется обратиться к образам жены и мужа, брачного пира. Теперь становится ясно, что тот внешний человек — жена, которая не нашла пути к своему истинному мужу, находящемуся внутри, жена, отвернувшаяся от внутреннего человека, не может не быть бесплодной, но и она желает принести некий плод. Таким плодом является «закон заповедей человеческих», символизируемый и в этом случае семеркой, причем здесь совершенство семерки теряется безнадежно. И что мы видим?

«Лежит в изнеможении родившая *семерых*, испускает дыхание свое; еще днем закатилось солнце ее, она постыжена и посрамлена. И остаток их предам мечу пред глазами врагов их, говорит Господь» (Иер 15:9). Тут семерка связана с постыжением, посрамлением, позором. И жены, понимая это или нет, цепляются за свое в беспамятстве о том, что Иисус Христос упразднил «закон заповедей учением» (Еф 2:15): «И ухватятся *семь* женщин за одного мужчину в тот день, и скажут: „свой хлеб будем есть, и свою одежду будем носить, только пусть будем называться твоим именем, — сними с нас позор”» (Ис 4:1).

Приводя последние рассуждения, мы не собирались окрасить семерку черными красками, ибо и донныне сохранено ее истинное значение, например, в символике посланий *семи* церквам и тайны *семи* звезд Откровения Иоанна Богослова (Отк 1:16–3:22), ибо есть не человеком писанные законы, которые никому не дано обойти.

Читатель не должен быть смущен тем, что в одних случаях мы говорим о совершенстве закона, в других о том, что он ничего не довел до совершенства, в третьих же, что закон сугубо несовершен. Все дело в восприятии. И вправду, способен ли человек понять совершенство закона? Только в том случае, если он совершен. Если же человек явно несовершен, то он даже истинное совершенство искажает в своем сознании. «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт 1:31), — все ли, что он видит, человек считает хорошим? О совершенстве же творений самого человека даже неуместно говорить.

8

Отдавая отчет в невозможности изложения в рамках нашей работы всех истолкований употребления семерки, мы тем не менее считаем, что уже приведенных примеров пока достаточно, чтобы мы могли перейти к *восьмерке*, использование коей в библейском языке несколько более ограничено.

Итак, в отличие от закона, данного человеку при посредстве пророков, число восемь символизирует знание, которое дается каждому индивидуально и лишь помимо его сознания. Исследуя символику вина, мы нашли вполне точную характеристику этого знания — откровение. Мы не станем повторять выкладок о различении источника откровения, но внесем все-таки некие новые рассуждения, подкрепляющие сказанное в предыдущих главах.

Первое, на что мы обращаем внимание в вопросе истинности откровенного знания — это степень его соответствия Писанию, а в древние времена — Закону. Конечно, мы имеем в виду дух, а не букву.

Сии два — закон и откровение — идут рука об руку, и пророческие откровения не раз становились неотделимой частью Писания. Отдавая должное Закону, нельзя не отдать причитающегося и откровению: «Давай часть [или *должное*] *семи* и даже [лучше *также*] *восьми*» (Ек 11:2). Поняв сие, мы увидим, что заповедь Екклесиаста ничуть не более замысловата, чем совет Исаии: «Обращайтесь к закону и откровению» (Ис 8:20).

С арифмологической точки зрения весьма характерны подробности явления Иисуса ученикам после Своего воскресения, даваемые Иоанном. Впервые воскресший Иисус явился ученикам «в *первый* день недели» (Ин 20:19), то есть в воскресенье. Второй раз пришел Он к ученикам «после *восьми* дней» (Ин 20:26). Всего же согласно Иоанну являлся Иисус ученикам по воскресении *три* раза (Ин 21:14).

Не будем чрезмерно поспешны в том, чтобы оставить эту тему, не увидев связи между *первым* и *восьмым* днями. Первый день недели в библейском календаре, как мы и сказали, — воскресенье, но ведь и по прошествии восьми от первого дня снова наступает воскресенье. Таким образом день воскресный — первый, он же и восьмой, — есть день откровения. Свидетельством этого является автор самого грандиозного Откровения христианства: «Я, Иоанн, брат ваш... Я был в духе в день *воскресный*» (Отк 1:9–10). Вот таким образом восьмерка оказалась связанной с единицей: откровение с Истиной.

Откровение может приходить, конечно, и в другие дни, но и тут нам не уйти от символа восьми: «После сего я снова со слезами молился, и также постился *семь* дней... В *восьмую* же ночь сердце мое пришло снова в возбуждение, и я начал говорить пред Всевышним, ибо дух мой вспламенялся сильно, и душа моя томилась» (3 Езд 6:35–37); «И после *семи* дней [на *восьмой*]... душа моя приняла дух разумения, и я снова начал говорить пред Всевышним» (3 Езд 5:21–22).

Как мы и отмечали в предыдущих главах, для восприятия в себе откровенной мудрости требуется установление внутреннего безмолвия, образом коего является совершение обрезания. Обрезание должно совершаться в заповеданное время: «*Восьми* дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий младенец мужского пола» (Быт 17:12).

Обращает на себя внимание и такой фрагмент: «Он [Товит] был *восьмидесяти* *восьми* лет, когда потерял зрение, и через *восемь* лет прозрел» (Тов 14:2). Это не единичный случай прозрения или исцеления, произошедшего в таких обстоятельствах (ср. Деян 9:33–34).

И с Ноем во время потопа спаслось *восемь* душ: «В *восьми* душах сохранил семейство Ноя» (2 Пет 2:5; ср. тж. 1 Пет 3:20). Вспомним, что именно Ной «изобрел» вино и первым пил его.

Приводя свидетельства о восьмерке, забудем ли мы, что «Моисей был *восьмидесяти* лет» (Исх 7:7), когда получил первое откровение Бога, явившегося ему в горящем кусте, а *восемь* видно в *восьмидесяти* и невооруженным глазом.

Пропустим ли мы явно перекликающуюся с Екклесиастом (Ек 11:2) фразу: «Дней наших *семьдесят* лет, а при большей крепости *восемьдесят* лет» (Пс 89:10). Ясно, что подобный фрагмент нельзя понимать иначе, как символически, ибо есть люди, много не дожившие до семидесяти лет, равно как есть и люди, живущие много больше *восьмидесяти* лет. Ведь не среднестатистические же значения приводит Давид! А между тем связь с законом и откровением, потребным для его понимания, становится очевидна из последней фразы, особенно, если мы запишем *семьдесят* как 7×10 , а *восемьдесят* как 8×10 .

9

Однако откровение само по себе еще значит мало, ибо откровение более чем часто дается в образах, в чем нет ничего удивительного. Откровение прописных истин не стоит и выведенного яйца. Откровение всегда скрывает тайну, которую нужно понять, разгадать. В рассуждении об откровении упоминание тайного языка символов просто-таки напрашивается. «Кто говорит на [тайном] языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает [его] ... а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение... ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и *изъяснять*» (1 Кор 14:2–5). Что за польза от нашего откровения, если мы ничего не поймем?

Итак, откровение, владение тайными языками требует изъяснения, истолкования, возвращения света, озарения, которое скрывается за символом *девяти*.

Таковой символ возвращения света виден в Священном Писании в одном лишь эпизоде, но зато каком! «Тьма была по всей земле до часа *девятого*; а около *девятого* часа возопил Иисус» (Мф 27:45–46; Мк 15:33–34). Отметим, что тьма исчезла около *девятого* часа.

Девятый час — «час молитвы» (Деян 3:1), и именно тогда Корнилий «в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия» (Деян 10:3).

Замечателен фрагмент Евангелия от Филиппа, который мы не можем обойти вниманием: «Господь вошел в красильню Левия. Он взял *семьдесят две* краски, он бросил их в чан. Он вынул их все белыми» (Филипп 54). Все дело здесь в том, что *семьдесят два* представляется не чем иным, как произведением восьми и девяти. Девятка необходима восьмерке, и совсем не случайно одна из рукописей Мертвого моря носит название «О восьмом и девятом».

10

Мы подошли к *десятке*, с которой читатель уже познакомился в контексте Притчи о *десяти* девах в ожидании жениха. Тогда мы сказали, что арифмологический смысл десятки заключается в циклическом движении, включая как малый, палингенетический, круг от рождения к смерти и новому рождению, так и большой, апокатастатический, круг — циклический путь блудного сына от отца через мир сей назад в отчий дом¹. Иными словами, пока человек не завершил апокатастатического движения в палингенезии, он всецело принадлежит веку сему, и в этом смысле десятка — число века сего.

Конечно, смысл *десяти* принципиально отличается от того, который несет в себе *четверка*, число творения. Хотя, как не трудно будет заметить читателю, $10 = 4 + 6$, то есть разделенность в мире и дает число возвращения на круги свои (ср. Ек 1:6). Но стоит лишь человеку преодолеть четверку или устранить шестерку, как он тотчас избавляется от палингенетического возвращения в мир сей.

Мы уже приводили пример притчи о женщине с десятью драхмами, однако повторим ее: «Какая женщина, имея десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечей и не станет искать тщательно, пока не найдет, а найдя, созовет подруг и соседок и скажет: порадайтесь со

¹ Ноль в арабском написании десяти ничего не значит. Десятая буква еврейского алфавита — йод — י.

мною: я нашла потерянную драхму» (Лк 15:8). Эту притчу вовсе невозможно рассматривать в отрыве от Притчи о блудном сыне, непосредственно следующей за ней.

Что же скажем? Некогда каждый имел одну бесценную драхму, но вследствие ухода из отчего дома, подобно блудному сыну, утерять ее. И хотя он приобрел взамен десять драхм века сего, он должен *тщательно* искать, и копать, и употреблять усилие, преодолевая соблазны мира, для того чтобы отделаться от десяти имеющихся драхм в надежде и вере обрести ту заветную одну, общую с Отцом, драхму.

Упомянем также десятину: «Сынам Левия, вот, Я дал в удел *десятину* из всего, что у Израиля, за службу их, за то, что они отправляют службы в скинии собрания» (Чис 18:21). Десятина — то есть десятая часть. Мы не можем увидеть в десятине иного числа, нежели десять. Однако на настоящем этапе мы не видим возможности дать о десятине подробного разъяснения. Быть может, это усугубит положение размышляющего над ней читателя, но добавим: «если же кто захочет выкупить десятину свою, то пусть приложит к [цене] ее *пятую* долю» (Лев 27:31). При этом понятно, что пятую долю надо понимать не как 20 процентов, а опять видеть в ней *пятерку*.

11

Как мы и предупреждали читателя, мы не будем рассматривать все двадцать два основных арифмологических значения. Из простых же чисел нам осталось истолковать немного. Нарушим естественный порядок и дадим краткий комментарий, относящийся к числу *восемнадцать*.

Итак, подобно двойке, число *восемнадцать* связано с истиной, но если двойка-мудрость *выражает* истину, то восемнадцать (восемнадцатая карта — луна) является числом *отражения* истины в мире сем. Мы надеемся, читатель понимает существенную разницу между этими терминами. Дело в том, что даже наисовершеннейшее зеркало вносит, как минимум, одно, но неустраняемое искажение, при котором *правое становится левым, а левое правым*. Посему не будет большой ошибкой утверждение, что восемнадцать есть символ искажения, и в противовес двойке — мудрости это есть образ *лжи и заблуждения*.

Итак, «стали сыны Израилевы служить Астарте и Астарофу и богам окрестных народов; и предал их Господь в руки Еглона, царя Моавитского, и он владел ими *восемнадцать* лет» (Нав 24:36; Суд 3:14).

«Или думаете, что те *восемнадцать* человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибните» (Лк 13:4–5).

12

Теперь почти все необходимые числа нами истолкованы. К изложению основ арифмологии достаточно добавить лишь рассказ о символах одиннадцати и двенадцати, которые мы предлагаем рассматривать совместно, причину чего читатель сейчас поймет. Число *двенадцать*, являясь вторым после семерки универсальным числом, олицетворяет собой преобразование, переход в век грядущий, что становится возможным по достижении богоподобного совершенства, и *свободы, вечной жизни — спасения*.

В качестве примера можно привести и *двенадцать* сынов Иакова (Быт 35:22), и *двенадцать* учеников Христовых (Мф 10:2; Лк 6:13); и «древо жизни, *двенадцать* раз приносящее плоды» (Отк 22:2) или что «век разделен на *двенадцать* частей» (3 Езд 14:11).

Взглянем и на такой фрагмент: «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в ~~накибыти~~ *палингенезии*, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на *двенадцати* престолах судить *двенадцать* колен Израилевых» (Мф 19:28).

Замечательна арифмология двенадцати в Откровении: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на голове у нее венец из *двенадцати* звезд» (Отк 12:1).

Двенадцать лет — возраст или срок наступления исцелений (Мк 5:25; Лк 8:43). У Марка написано даже так: «Девушка встала и начала ходить, *ибо* [т. е. *потому что*] была лет *двенадцати*» (Мк 5:42).

Наконец, пример, который читатель оценит в тем большей мере, в какой он воспринял символику храма: «Когда Он [Отрок Иисус] был *двенадцати* лет, пришли они... в Иерусалим на праздник... остался Отрок Иисус в Иерусалиме... через *три* дня нашли Его *в храме*» (Лк 2:42–46).

Итак, повторим: число двенадцать есть символ свободы и вечной жизни.

Число же *одиннадцать*, является диаметральной противоположностью двенадцати. Это есть символ сопротивления духовному, и ничего хорошего ждать от этого числа не приходится: «Иаким... *одиннадцать* лет царствовал в Иерусалиме... и делал он неугодное в очах Господних» (4 Цар 23:36–37);

«Седекия... *одиннадцать* лет царствовал в Иерусалиме... и делал он неугодное в очах Господних» (4 Цар 24:18–19), и «находился город в осаде до *одиннадцатого* года царя Седекии... и взят был город» (4 Цар 25:2–4). В общем, плохо кончил Седекия, в чем нет ничего странного, ибо число одиннадцать — символ сугубого несовершенства, тления, греха, *рабства*, «ибо кто кем побежден, тот тому и раб» (2 Пет 2:19).

Читателю, пытающемуся уличить нас, обращая внимание на то, что другие цари правили дольше или короче одиннадцати лет и тем не менее кончили столь же плохо, мы ответим, что это действительно так, но почти все фрагменты Писания в этой главе приведены не для доказательства истинности системы ТАРОТ, а лишь с целью иллюстрации. Переиначив немного слова Павла, мы могли бы оправдаться тем, что мы не совершенны в иллюстрациях, но совершенны в познании (ср. 2 Кор 11:6).

Рассказ о числе одиннадцать не сможет стать полным без того, чтобы обратить внимание на поведение Апостолов после того, как их стало *одиннадцать*. Если бы Апостолы не признавали за числами никакого символического смысла, то, вероятно, они не придали бы никакого значения тому, что с момента ухода Иуды их стало не двенадцать. Но нет, уже (а может быть, только) в первой главе Деяний Апостолов описывается избрание нового апостола, коим оказался некий Матфий, лишь благодаря этому эпизоду и попавший в Писание (Деян 1:15–26). Однако нам понятно, что Апостолов *в итоге* никак не могло остаться одиннадцать.

Однако же в некоторых случаях Апостолов все-таки было одиннадцать, и что же говорит Иисус *одиннадцати*? — «Все вы соблазнитесь о Мне» (Мф 26:31; Мк 14:27). Да уж, трудно одиннадцати пребывать в истине, гораздо ближе сему числу соблазн.

Завершив этим изложение экзегетики простых чисел, встречающихся в Писании, мы можем перейти к более сложным примерам.

13

В качестве первого такового сложного примера мы возьмем число зверя: «*Всем*, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и... никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начерта-

ние, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его *шестьсот шестьдесят шесть*» (Отк 13:16–18).

Обратим внимание на тот факт, что число *шестьсот шестьдесят шесть* в девяноста девяти случаях из ста именуется числом зверя. Традиционные христианские богословы, равно как и теософские нумерологи, предпочитают полностью умалчивать о том, что это же число названо и числом *человеческим*.

Говорит ли название сего числа о том, что человеку присущи некоторые качества зверя, или же что исследуемое число является наилучшей характеристикой человека как зверя по своему существу? Ведь как написано у Иоанна, начертание сего числа дано *всем*! Под дальнейшие определения — малые и великие, богатые и нищие, свободные и рабы — подпадает, как нетрудно видеть, весь род сей, все человечество.

Прежде чем приступить к арифмологическому анализу числа зверя, нам должно сделать в отношении сего числа оговорку, не имеющую к арифмологии ровно никакого отношения. Иоанн записал исследуемое число целиком буквами так, как будто не умел записать его всего тремя знаками. Тут совсем нелишнее вспомнить, что до изобретения арабских цифр и в семитских языках, и в латыни, и в греческом, да, несмотря на арабов, и в славянском, числа по обычаю записывались буквами. Это означает, что при записи этого числа на еврейском, греческом, латыни оно выглядит, как некое имя (то ли собственное, то ли нарицательное). Путь, подразумевающий перевод числа зверя в такое имя не имеет никакого отношения к арифмологии, и его мы не принимаем во внимание именно в силу того, что число зверя записано не в виде условных значков, обозначающих цифры, но словами «шестьсот шестьдесят шесть». Однако перейдем к числам.

Как просто было бы нам, если бы речь шла о шестидесяти шести, и несовершенство разделенности, помноженное на сугубое несовершенство греховности ($6 \times 11 = 66$), и дало бы нам характеристику человека. Не для усиления ли этого впечатления добавлена еще одна шестерка в разряд сотен? Очевидно, что это предположение ложно, однако оно может привести нас к более правдоподобию толкованию числа зверя.

Трудность толкования этого числа заключается в том, что оно не раскладывается на достаточно простые сомножители, ибо число 37, являющееся одним из сомножителей числа зверя, числа человеческого ($666 = 18 \times 37$), есть число простое (то есть не раскладывающееся на более простые сомножители). И оно не имеет в системе ТАРОТ никакого смысла, хотя другой сомножитель (18) весьма характерен. Не слишком ли смела будет гипотеза, что число 37 как экзегетически непреодолимое служит привлечению внимания, образом восклицательного знака? Такое наше предположение слишком просто, чтобы быть истинным.

Однако представим число человеческое следующим образом: $666 = 6 \times (10 \times 10 + 11)$. Что мы видим здесь? Главный сомножитель — шесть, показывающий наиболее существенную характеристику — разделенность. Сия разделенность умножается на сумму таких обстоятельств, как существенная греховность и несвобода (11) и участие в двойном круге, где одна из десятков представляет палингенезию, а другая — апокатастасис. Нужно ли добавлять к этому что-то существенное, дабы описать человека более точно? В предыдущих главах мы сказали об этом достаточно.

В заключение нашего краткого комментария о числе человеческом, добавим, что всех перечисленных свойств достаточно для того, чтобы покупать и продавать, а это есть именно то, что необходимо делать, дабы господин получил свое с прибылью (ср. Мф 25:27). Но странное дело — чтобы покупать и продавать, оказывается, *необходимо* иметь указанные качества.

14

Взглянем теперь на число тысяча двести шестьдесят, дважды встречающееся в Откровении: «Дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать *тысячу двести шестьдесят* дней, будучи облечены во вретище» (Отк 11:3); «И родила она [жена] младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его. А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там *тысячу двести шестьдесят* дней» (Отк 12:5–6).

Выберем из многих вариантов разложения на сомножители один: $1260 = 7 \times 10 \times 18$. Все сомножители являются нашими знакомыми, особенно если мы напишем это произведение так: $(6 + 6 + 6) \times 10 \times 7$.

14.1

С арифмологической точки зрения число восемнадцать несет наиболее негативную окраску. Оно является неким числом, которое нужно любой ценой преодолеть, исключить. А давайте попробуем сосчитать сумму чисел от одного до восемнадцати, но не включая восемнадцать. Такая сумма будет равна ста пятидесяти трем ($1 + 2 + 3 + \dots + 16 + 17 = 153$). А теперь заглянем в Иоанна: «Симон Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими *рыбами*, которых было *сто пятьдесят три*; и при таком множестве не порвалась сеть» (Ин 21:11).

15

Читателю следует иметь в виду еще один весьма тонкий арифмологический нюанс, но применить то, о чем мы расскажем сейчас, будет практически невозможно, не располагая оригинальными священными текстами. Дело в том, что многие переводчики весьма вольно переводят на свои языки числительные, хотя, как следовало бы ожидать, именно в вопросе чисел как нигде необходима точность. Мы говорим о переводах на многие языки только потому, что не можем ругаться за все.

К счастью, русский Синодальный перевод избавлен от таких «числительных», как «дюжина» или «сорок сороков». Однако в некоторых местах он содержит непростительное упрощение в переводе чисел. Возьмем за пример уже упоминавшийся нами фрагмент Иоанна: «Разрушьте храм сей, и Я в *три* дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился *сорок шесть* лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме тела Своего» (Ин 2:19–21). При таком переводе нам приходилось бы долго и безнадежно ломать голову над расшифровкой символики сорока шести, ибо мы не смогли бы сделать больше, нежели представить сие число как 2×23 . И мы не смогли бы ничего посоветовать читателю в отношении того, что делать с простым числом 23, находящимся за пределами нашего ряда главных арифмологических символов.

На самом же деле синодальные переводчики просто-напросто опустили лишнее, по их мнению, короткое слово, к слову сказать, присутствующее в славянской Библии. И, исправив перевод, мы должны анализировать совсем другое сочетание чисел: «сорок и шесть» (*тессараконта καὶ ἕξ* — *тессараконта кай жекс*). Как понимает читатель, последнее ($40 + 6$) намного более понятно.

Читатель, конечно, понимает, что ко всем предыдущим сложным числам наше последнее замечание не относится. Мы не должны были анализировать ни $100 + 50 + 3$, ни $600 + 60 + 6$.

16

Имея в своих руках полученный арифмологический ключ, попробуем применить его к тем притчам и описаниям чудес, о коих мы еще не говорили в арифмологическом аспекте. В первую очередь нам должно рассмотреть с точки зрения тайн чисел чудеса о насыщении толп народа. Не приводя вновь описанных нами в первой главе фрагментов, воспроизведем лишь численные выражения первого чуда, имеющего уникальное свойство, на которое никто не обращал внимания. Сие свойство заключается в том, что Чудо о насыщении пяти тысяч является *единственным* во всем Новом Завете *абсолютно* синоптичным фрагментом, ибо ни одно иное чудо, ни одна притча, ни одно событие, включая даже распятие и воскресение Христа, не изложены столь согласно всеми четырьмя Евангелистами. И это должно настроить экзегета на исключительную важность заключенной здесь тайны:

$$\frac{5 \text{ хлебов} + 2 \text{ рыбы}}{5 \text{ тысяч мужей}} = 12 \text{ коробов (Мк 6:41–43)}.$$

Читатель, внимательно ознакомившись с нашими выкладками в отношении чисел, вероятно, уже не нуждается в комментариях. Однако дадим некоторые пояснения, сопроводив их ссылками на библейскую мудрость.

Начнем с пятерки, присутствующей тут в количестве хлебов и в величине толпы алчущих. В отношении хлеба мы помним о нем как о символе Христова учения. Пять же хлебов означают уже не просто благовестие, но учение о тайнах Царствия Божия, заключенного в нем. Правильнее говорить, что пять хлебов суть *слово Христа, воспринимаемое как учение о тайнах Царствия*.

В пяти тысячах алчущих мужей арифмологически важна опять же лишь пятерка, означающая тех, кому «дано знать тайны Царствия Божия» (Мф 13:11; Мк 4:11; Лк 8:10). Вспомним при этом Нагорную проповедь: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф 5:6). Следует, вероятно, обратить внимание и на то, что Марк говорит о *мужах*, Лука с Иоанном о людях (Лк 9:14; Ин 6:13) тогда как Матфей добавляет «кроме женщин и детей» (Мф 14:21). Этот нюанс понятен, «ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию» (Рим 7:22).

Не представляет большой сложности и вопрос о двух рыбах, ибо, памятуя о смысле символа рыбы, мы быстро приходим к выводу, что две рыбы означают мудрую святость, мудрую праведность. Это такая праведность, которая основывается на иных принципах, чем соблюдение постановлений «не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся», имеющих только *вид* мудрости (ср. Кол 2:20–23). В отношении истинной праведности нельзя упустить и такого фрагмента: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф 5:20). Две рыбы означают как раз мудрую праведность, а не всего лишь имеющую вид мудрости, — праведность, что превосходит праведность фарисеев и книжников, позволяя войти в Царство Небесное.

Каков же результат восприятия учения о тайнах Царствия Божия и мудрой праведности теми, кому дано воспринять эти высочайшие дары? Результатом является чудесное преобразование, оставление века сего и переход в век будущий с обретением желанной свободы, ибо именно в этом, как мы открыли, и состоит символика двенадцати. Обратил ли внимание читатель, что Чуду о насыщении пяти тысяч предшествует фраза о том, что Иисус «учил их много» (Мк 6:34)?

16.1

Рассмотрим теперь и арифмологию чуда о втором насыщении, но прежде опять-таки отметим, что Чуду о насыщении четырех тысяч предшествовало совсем иное. Оба Евангелия, рассказывающие о втором чуде, предпосылают описанию его Иисусово обличение книжников и фарисеев, людей, чтущих Бога, тщетно уча учениям, заповедям человеческим (Мф 15:1–11; Мк 7:1–13). После совершения второго чуда, когда память о нем была как никогда свежа, Иисус также предостерегает: «Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» (Мф 16:6); «берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой» (Мк 8:15). Отметив сие, можно перейти к формуле второго умножения хлебов:

$$\frac{7 \text{ хлебов} + \text{несколько рыбок}}{4 \text{ тысячи мужей}} = 7 \text{ корзин (Мк 8:6–9)}.$$

Начнем истолкование сего с самого трудного: с нескольких рыбок. Ясно, что и здесь речь идет о праведности. Правда, в отличие от предыдущего чуда вместо рыбы ($\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ — *ихтис*) во втором чуде фигурирует «рыбка» ($\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\delta\iota\omicron\nu$ — *ихтидион* — маленькая рыбка, рыбешка), что не может не навести на мысль о ее меньшей ценности по сравнению с настоящей рыбой.

«Человек подобен мудрому рыбаку, который бросил свою сеть в море. Он вытащил ее из моря, полную *малых рыб*; среди них этот мудрый рыбак нашел большую [и] хорошую рыбу. Он *выбросил всех малых рыб в море*, он без труда выбрал большую рыбу. Тот, кто имеет уши слышать, да слышит!» (Фома 8). Может быть, эти слова Христа в передаче Фомы являются ключом?

И все же речь идет о праведности. Но почему сия праведность не наполнена никаким имеющим численное выражение смыслом? Мы отвергаем как безумное предположение, что-де Апостолы забыли или поленились посчитать точно, сколько маленьких рыбок фигурировало во втором чуде. Смотрите на их точность в счете ста пятидесяти трех рыб в недавно рассмотренном случае!

Следовательно, особый смысл заключен именно в *неопределенности* числа рыб. И ныне описываемая праведность не истинна, ибо иначе речь шла бы об одной рыбе.

Здесь мы прервемся, дабы сделать пояснения по поводу *одной* рыбы. Символика одной рыбы действительно такова, что сие означает истинную святость. Почему же, — спросит читатель, — насыщая пять тысяч алчущих, Иисус не делил именно *одну* рыбу? Ведь истинная святость явно выше святости мудрой. Воистину! Все истинное настолько выше любой мудрости, что об этом излишне и говорить. Но в том-то и дело, что истинная святость — атрибут, могущий принадлежать одному лишь Богу: «Ты един свят» (Отк 15:4); Бог один только праведен, «а всякий человек лжив» (Рим 3:4). Истинная святость выше человеческого понимания настолько, что ее невозможно преподать самым святым из тех, кому дано. Тех, кому дано, можно научить лишь мудрой святости. Да и останется ли истинная святость истинной, будучи разделена?

Итак, описываемая во втором Чуде насыщения толпа праведность не истинна. Она даже не мудра, ибо тогда в этом чуде, как и в предыдущем, фигурировали бы две рыбы; она и не любовна, ибо тогда было бы три рыбы. Рыб и не четыре, так как в этом случае можно было бы говорить о мирской «праведности»: кто богат, тот и праведен. Нет никакого основания говорить и о тайной праведности, которая могла бы быть обозначена пятеркой, и так далее.

Да ведь это-то и есть та самая никакая праведность фарисеев и книжников, праведность, которая имеет лишь вид праведности и мудрости, не открывая врат в Царствие Божие. Причем, заметь, читатель, если бы мы захотели описать такую святость арифмологически, то у нас ничего не получилось бы. Мы вряд ли смогли найти лучшее описание количества рыбок, нежели «незначительное число». Найдя греческое соответствие, мы получили бы ὀλίγος (*olígos*), то есть то самое слово, что и стоит в оригинале.

А что же такое семь хлебов? Явно негативного отношения здесь не может быть, ибо мы говорим об учении Христа. Не может быть и иллюзии чрезмерного блага, ибо мы имеем дело с фарисейством. Да ведь семь хлебов и означают не что иное, как учение Христа, однако воспринимаемое именно как требующий *буквального* послушания свод законов: «Жена да боится [плотского] мужа своего» (Еф 5:33); «Муж, [буквально] молящийся с покрытою головою, постыжает свою голову» (1 Кор 11:4); «Не вари [обычного] козленка в молоке [плотской] матери его» (Исх 23:19; 34:26; Вт 14:21) и десятков прочих.

Четыре же тысячи не требуют никаких особых толкований, ибо мы попросту имеем дело со всеми, кто «от мира сего» (Ин 8:23). Про таковых нам не имеет смысла давать пространные разъяснения. В нашем случае важно, что это как раз те, кому *не дано* знать тайн, для которых и без тайн все ясно и просто, для которых любое упоминание тайн связывается с худыми ухищрениями, лжеучительством и лицемерием.

Не кажется ли читателю, что мы просто повторяем воззрения на христианство столь «святого» «отца», каким был Иринеи Лионский? Ибо и он учил, что в проповеди Христа нет ничего тайного, что учение Его ни от кого ничего не скрывает, что все просто, как написано, так и надо понимать. А за Иринеем сие повторяет и все традиционное христианство.

И каков же результат такого насыщения? Прежде всего отметим качественное отличие от результата первого насыщения — в случае четырех тысяч мы имеем корзины, а не коробы. Но и количественно *семь* означает продолжение движения по заведенному закону, над которым ни один из насытившихся при втором насыщении не властен. Выражаясь более ясно, напомним Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться... суета сует — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?» (Ек 1:9, 2–3).

Или другое подобие: «Осел, ходя вокруг жернова, сделал сто стадий, шагая. Когда его отвязали, он находился на том же месте. *Есть люди, которые много ходят и никуда не продвигаются.* Когда настал вечер для них, они не увидели ни города, ни села, ни творения, ни природы, ни силы, ни ангела. Без пользы несчастные трудились» (Филипп 52).

Однако если мы будем понимать последний результат лишь как продолжение движения по заведенному кругу, то это будет звучать еще до известной степени безобидно. Ибо что такое закон? — Сила греха (ср. 1 Кор 15:56); «Закон производит гнев» (Рим 4:15); «Если бы дан был закон, могущий животворить [!]» (Гал 3:21).

Поэтому и к словам Филиппова Евангелия: «Без пользы несчастные трудились» как продолжение просятся слова Павла: «О, если бы только без пользы!» (ср. Гал 3:4).

Последний результат ни в какое сравнение не может идти с преображением, достигаемым при движении по образу первого чуда, ибо он не дает достижения главной цели — Царствия Божия. И те, кто от мира, умрут во грехе своем (ср. Ин 8:23–24). Именно поэтому уже после второго чуда Иисусом сказано: «Как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски

фарисейской и саддукейской?» (Мф 16:11). Сие относится именно ко второму чуду и лишь к нему, ибо Евангелисты Лука и Иоанн, описывая первое чудо, не приводят никаких его негативных характеристик.

Однако имеет смысл спросить, для чего Иисус явил последнее чудо, если подобное вкушение не дает никакого выхода из круга века сего? Ответим на сей вопрос вопросом: А мог ли Иисус не дать ничего четырем тысячам, то есть всему миру без различения достойных и недостойных? Будто предвидя такой вопрос, Иисус отвечает: «Если неевшими отпущу их в дома их, ослабеют в дороге, ибо некоторые пришли *издалека*» (Мк 8:3).

Заметим еще одну деталь, которая может несколько сгладить горечь второго насыщения толп. Они собрали не *одиннадцать* корзин, а *семь*, что дает некоторую надежду на будущее. Одним словом, конечно же, лучше традиционное христианство Иринея и Тертуллиана в виде семи хлебов и нескольких рыбок, нежели змеи и скорпионы иных известных учений.

17

Не кому иному, как арифмолу, предлагает для раскрытия тайну Осия: «[Бог] оживит нас через *два* дня, в *третий* день восставит нас, и мы будем жить пред лицом Его» (Ос 6:2). Здесь будет более чем уместно заметить, что, конечно же, Иисус был воскрешен Богом, восставлен из мертвых через *два* дня на *третий*. Но обратим внимание: касается это пророчество не одного только Иисуса Христа.

Итак, что же означает оживление *нас* через два дня? Толковник, не знакомый с арифмологией, будет долго ломать себе голову, однако мы, не сомневаясь, скажем, что оживление «через два дня» означает оживление посредством обретения мудрости. Последний вывод находится в очевиднейшем согласии с тем, что открыто нами в отношении древа жизни: «Мудрость дает жизнь, владеющему ею» (Ек 7:12); кто нашел мудрость, тот нашел жизнь (ср. Прит 8:35). При сем вспомним и такое: «мудрость делает мудрого сильнее *десяти* властителей, которые в городе» (Ек 7:19). Это может отвлечь нас от пророка Осии, но ненадолго, ибо ясно, что с помощью мудрости возможно избавиться от ограничений, связанных со смертностью человека в палингенетическом цикле.

Подобным же образом «в третий день» связано с любовью, а также с верой и надеждой: «Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает... Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин 4:12–16); «всякий любящий... знает Бога» (1 Ин 4:7).

18

Рассмотрим теперь в арифмологическом аспекте уже приведенную нами раз Притчу о работниках на винограднике (Мф 20:1–15):

Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел *рано поутру* нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по [*одному*] *динарию* на день, послал их в виноградник свой; выйдя около *третьего* часа, он увидел других, стоящих на *торжище* праздно, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять выйдя около *шестого* и *девятого* часа, сделал то же. Наконец, выйдя около *одиннадцатого* часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника

управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около *одиннадцатого* часа получили по [одному] динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получат больше, но получили и они по [одному] динарию; и получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали *один* час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойдешь; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я добр?

Обратим внимание, что первые нанятые работники трудились на ниве Господней с самого раннего утра, — честь им и хвала за это (от людей). В этом смысле они весьма близки старшему брату блудного сына, и их склонность к ропоту также роднит их со старшим братом.

Вторая группа работников приходит на работу около третьего часа, что можно толковать как приход к Отцу, побуждающим мотивом которого является вера, надежда и любовь.

Третью и четвертую группы можно условно объединить словами «около шестого и девятого часа». Эти часы уже встречались нам в эпизоде о казни Иисуса. Сии суть те, кто приходит, будучи разделен между Богом и миром, будучи несовершен (шесть), но все-таки получив озарение (девять).

Наконец, есть и *пятая* группа работников, пришедших на виноградник около одиннадцатого часа, что означает тех, кто является пред Богом, будучи сугубо несовершен и греховен.

Попутно отмечаем, что господин выходил нанимать работников *пять* раз на день, то есть призвание к лучшей участи происходит как тайна Царствия Божия. А это призвание действительно составляет тайну: «Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня» (Ин 6:44, 65). И получается, что изволение Божие в избрании действительно «не от дел, а от призывающего» (Рим 9:12). Каким образом происходит это — воистину великая тайна Отца.

Этим, однако, не исчерпывается арифмология сей притчи. Для того чтобы открыть самое главное, нам придется проделать простейшую арифметическую операцию, дающую ответ на вопрос о времени расчета хозяина с работниками, нанятыми за *один* динарий.

Последние работники, как мы помним, пришли около одиннадцатого часа, а из ропота пришедших первыми выясняется, «эти последние работали один час» (Мф 20:12). То есть господин вознаграждал всех работников своих около *двенадцатого* часа. Надо ли нам говорить еще что-нибудь?! Имеющий уши да услышит! Здесь мудрость!

В заключение истолкования притчи мы можем отметить еще одну, причем немаловажную деталь, хотя она и не имеет отношения к арифмологии. Состоит сие наблюдение в том, что призывать работников с торжища на виноградник хозяин — опять же понятно, что он символизирует Бога, Призывающего, — выходил сам. Что же касается расчета с работниками, то хозяин делает это через посредника. Мы надеемся, что читатель уже уяснил, Кто является Посредником между Богом и людьми. Никто не может получить вожделенного *одного* динария иначе, как из Его рук: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин 14:6).

В главе, посвященной апокатастатическому пути, мы установили связь персонажей притчей о блудном сыне, о работниках на винограднике и о талантах. К одному из арифмологических аспектов Притчи о талантах (Мф 25:14–30, см. напр., I.IV.1, с. 113) нам необходимо вернуться вновь, дабы у читателя не осталось повода к соблазну.

Вспомним слова хозяина, обращенные к лукавому и ленивому рабу: «Надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов... а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф 25:27–30). Обладатель одного динария, как мы видим, оказывается во тьме внешней. Плачевный финал, но еще большее сожаление для арифмолога вызывает то, что тот самый *один* динарий, которым он столь сильно дорожил, что сокрыл в земле из страха перед хозяином потерять его, сей-то динарий у него отнимается и отдается имеющему десять динариев. И уж он-то, как никто другой, может оценить величие сего приобретения.

До сих пор мы практически только напоминали сказанное ранее, но теперь скажем нечто новое, обратив внимание, что, как может показаться, последний из рабов в итоге становится обладателем одиннадцати динариев, а сие вряд ли вызовет зависть с арифмологической точки зрения. Обладание одиннадцатью динариями есть повод для большого соблазна. Но мы избавлены от него, ибо, хотя последний и назван имеющим десять динариев, на самом-то деле он в итоге единственным из всех рабов становится обладателем именно *одного* динария, потому что те десять динариев, что были у него, и тайна коих не вызывает затруднений, он отдает хозяину, дабы тот получил свое с прибылью.

20

В одной из первых глав мы приводили Притчу о смоковнице. Ныне пришла пора взглянуть на нее с новой точки зрения, обращая внимание на числа (Лк 13:6–9):

Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я *третий* год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и место занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на [один] этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом,— не принесет ли плода, если же нет, то в следующий год срубишь ее.

Изложенная арифмология не должна оставлять сомнений в символе ожидания Господом плода в *третий* год — плода веры, надежды, любви. Нас тут должен заботить другой вопрос: каков будет диалог между господином и виноградарем по прошествии еще одного года, то есть на *четвертый* год? Будет ли необходима новая отсрочка?

Ответ на сей вопрос заключается в преодолении ограничений мира (космоса), что наступает по прошествии четырех — месяцев ли, лет ли — сие в арифмологии не очень важно: «Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и настанет жатва?» (Ин 4:35). Иначе говоря, если мы представим себе этот диалог спустя буквально понимаемый год, то содержание его ничуть не изменится. По прошествии же четырех *символически* понимаемых лет не нужно уже будет просить отсрочки.

21

Вернемся теперь к одной недоговоренности, оставшейся нам от Притчи о неверном управителе. Итогом его догадливости, как помнит читатель, остались долги «сынов света», составившие *восемьдесят* мер масла и *пятьдесят* мер пшеницы. О символах масла и пшеницы мы уже не находим нужным говорить в связи с арифмологией, а числа восемьдесят и пятьдесят заслуживают именно ныне пристального внимания. Прежде всего представим восемьдесят как $80 = 8 \times 10$, а

пятьдесят как $50 = 5 \times 10$. И тут нам становится ясно, что невозможно требовать от всех сынов света, должников, преображения (12). Им не остается иного, нежели погашать оставшийся долг, отрабатывая его в круте палингенезии (10), работать копая, познавая тайны Царствия Божия (пятерка в долге хлеба) и прося откровения (восьмерка в долге масла). Все просто, как видит читатель. По сути же здесь вновь, только в иной формулировке, видима тайна евхаристии: хлеб (учение о тайнах Царствия Божия — 5) и вино (откровение Духа Святого — 8).

22

Взглянем еще на один эпизод, на сей раз Ветхого Завета, описывающий деяния пророка Елисея сразу после сотворения им уже истолкованного Чуда об оздоровлении вод (4 Цар 2:19–22): «И пошел он оттуда в Вефиль. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города, и насмехались над ним, и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их, и проклял их именем Господним: И вышли две медведицы из леса, и растерзали из них *сорок два* ребенка» (4 Цар 2:23–24).

Чудовищное несоответствие между мелким проступком малых неразумных детей и их наказанием, перед жестокостью коего бледнеют даже зверства фашизма и мучения ранних христиан, поражает воображение читателя, не правда ли? Но не будем торопиться проливать слезы по поводу невинно убиенных по слову пророка Елисея младенцев, ибо мы всецело стремились убедить читателя в необходимости образного понимания Священного Писания. Мы говорим сейчас о Ветхом Завете, а значит, имеем более чем обоснованное право воспользоваться мудростью Моисея Маймонида. Напомним ее: «Всякий раз, как в наших книгах встречается история, реальность которой кажется невозможной, повествование, которое противоречит и рассудку, и здравому смыслу, можно быть уверенным, что сия история содержит иносказание, скрывающее глубоко потаенную истину; и чем более нелепость буквы, тем глубже мудрость духа» (см. I.I.3, с. 35). Здесь именно такой случай.

Что же мы имеем в этом символе с арифмологической точки зрения и в других аспектах? Сразу скажем, хотя нам и следовало отметить сие раньше, что детей надо воспринимать как плод, рожденный женами. Каков же этот плод, из которого двумя медведицами было уничтожено сорок два? Число это весьма трудно разложить на другие сомножители, нежели шесть и семь: $42 = 6 \times 7$. Иными словами, произведение шести и семи означает закон заповедей человеческих, помноженный на несовершенство разделенности человека, или, если хотите, наоборот, — разделенность человека, помноженную на невозможность преодолеть ее, применяя человекотворные законы.

Попутно заметим, что число сорок два встречается именно с таким негативным смыслом и в Новом Завете: «Они [язычники т. е. многобожники] будут попираť свяťтый город *сорок два* месяца» (Отк 11:2); «и даны были ему [зверю] уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать *сорок два* месяца» (Отк 13:5). Так что в меру нашего истолкования не приходится ожидать окончания бедствий в три с половиной года, что составляет сорок два обычных месяца, и, как и во многих других случаях, буквалистам придется долго ждать. А может статься и так, что зверь уже давно имеет власть богохульствовать...

Но разве уничтожение такого произведения (в буквальном и переносном смысле этого слова), как шесть на семь, посредством данной Господом могучей мудрости (две медведицы), не является достойным всяческого прославления и возвеличивания делом — делом, достойным пророка?!

23

Обратимся еще к одной тайне, которую нельзя рассматривать иначе, как арифмологически: «*Пятеро* в одном доме станут разделяться, *трое* против *двух* и *двое* против *трех*» (Лк 12:52). Однако дабы наиболее полно понять смысл сего, лучше начать издалека.

Взглянем на цепь рассуждений Ириней, касающихся сотериологии*. В качестве базовых положений своей «логики» Ириней берет несколько фрагментов из Деяний: «С великою же силою Апостолы воздавали свидетельство воскресению Господа Иисуса (ср. Деян 4:33), говоря к ним: Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы взяли и умертвили, повесив на дереве. Его Бог возвысил в Начальника и Спасителя славою Своею, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов; и мы в том свидетели словам сим, и также Дух Святой, Которого Бог дал верующим в Него (ср. Деян 5:30–32). И всякий день — говорится — в храме и по домам они не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе (ср. Деян 5:42), Сыне Божием. Ибо *таково было познание спасения, которое делает совершенным пред Богом тех, которые признают пришествие Сына Его*» (Ириней. Против ересей III.12:5).

Вот так просто, чтобы не сказать примитивно, представляется совершенство Иринее. Что же касается познания истины, делающего человека свободным (ср. Ин 8:32), то в представлении Ириней оно сводится к признанию пришествия Сына Его. Вот и все! У Ириней все предельно просто, и не требуется знать никаких тайн Царствия Божия. В последующие века развития этого положения оно было сформулировано так: «Знаю Христа, бедняка распятого. С меня хватит, сын мой!» Такова простота веры во Христа, где не требуется познавать ничего другого, где не остается места мудрости, не остается места знанию. Но не та ли это простота, которая по русской пословице «хуже воровства»?

Итак, «Пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух и двое против трех» (Лк 12:52). В самом деле, разве возможность познания тайн Царствия Божия не устранена противопоставлением веры с надеждой и любовью (трех) как главных ценностей традиционного христианства и мудрости (двух), вместо которой мы имеем простоту? И разве для иных, стремящихся познать конец, не познав начала, мудрость и знание не стали той целью, что заслонила от них любовь с верой и надеждой? И вместо того чтобы двум и трем быть собранными вместе, они восстают друг на друга. И нет уже пяти — познания тайн Царства Небесного, — ибо пять разделены.

24

А теперь не пора ли нам заглянуть за завесу тайны Иудиных *тридцати сребреников*? Следует признать, что сия тема могла быть рассмотрена в основных чертах и без привлечения арифмологии, и мы слегка затрагивали ее. Но уж коль скоро мы не смогли найти для нее лучшего места, изложим в главе, посвященной арифмологии, и другие аспекты тридцати сребреников, с чего мы и начнем, а арифмологией лишь подведем итог.

Ни один из богословов современных христианских конфессий не сможет отрицать того факта, что события, описанные в Новом Завете, требуется связывать с тем, что сказано по их поводу в ветхозаветных писаниях. Потому будет совсем не вредно для нашей праведности посмотреть, что же написано по поводу тридцати сребреников у пророка Захарии: «И скажу им: если угодно вам, то *дайте Мне* [Господу Богу] плату Мою; если же нет — не давайте; и они

отвесят в уплату Мне *тридцать* сребреников. И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище,— высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял я *тридцать* сребреников и бросил их в дом Господень» (Зах 11:12–13).

Вообразим себе на миг, что никакого Иуды, ни предательства его не было. И теперь зададим вопрос: какой платы может требовать для себя Господь Бог? Ответ не заставляет себя ждать, как только мы понимаем, что тридцать суть не что иное, как произведение пяти, двух, и трех:

$$30 = 5 \times 2 \times 3 !$$

Надо ли нам продолжать? Или читателю и так ясно, что сие есть абсолютно естественное и открытое Священным Писанием требование Господа — *тайная и мудрая любовь*. В отношении любви к Богу, мы надеемся, ничего не надо прибавлять: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: *сия есть первая и наибольшая заповедь*» (Мф 22:37–38).

Однако прибавить стоит, что любовь сия должна быть истинно мудра, ибо никто еще не спасся через лоб, по русской пословице разбитый во время молитвы, а изнурение тела и небрежение плотью по слову Апостола Павла «имеет только вид мудрости» (Кол 2:23). С другой стороны, любовь к Богу должна быть тайной: «Не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах [или *церквах*] и на улицах, чтобы прославляли их люди» (Мф 6:2). Имей ее не пред людьми, но сам в себе, пред Богом (ср. Рим 14:22). Одним словом, качество того, что выражено в количестве требуемых Богом сребреников, не вызывает никаких сомнений.

Но ведь приписывая числу тридцать такое значение и связывая фразу из книги пророка Захарии с Новым Заветом, мы неизбежно должны вложить тот же самый смысл и в тридцать сребреников Иуды! В противном случае нам придется пойти на признание случайности параллелизма Ветхого и Нового Заветов, и все слова ветхих пророков потеряют смысл. Еще раз обратясь к фрагменту из Захарии, мы не сможем не видеть, что плату в тридцать сребреников требует Себе Сам Бог, а никакой не Иуда, а если и так, то он выступает как уполномоченный Бога, коему *поручено* принять сию плату, чтобы далее бросить высокую цену в *храм* Господень. А кто является храмом Божиим?! И каков смысл бросание высокой цены *внутрь* храма? Мы знаем ответы на оба сии вопроса: тайная и мудрая любовь должна быть обращена *внутрь*.

Добавим, что достижение тридцатилетнего возраста — неперемнное условие для допуска к священнослужению (ср. Чис 4:3), допуска во внутреннюю скинию, в святое: «в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение» (Евр 9:6). Естественно, и «Иисус, начиная Свое служение, был лет *тридцати*» (Лк 3:23). Одним словом, тайная и мудрая любовь — необходимое требование для входящего *внутрь*.

Теперь попробуем вместе с читателем представить себя по человеческому разумению на месте Иисуса Христа, Который знает, что *должен быть распят*. Тот, кто смог представить себе сие, пускай теперь подумает, не забывая всего сказанного нами выше: кому из учеников можно было *поручить* принятие той платы и бросание ее в храм Господень? Тому ли, кто был наиболее низок? Тому ли, кто был наиболее вероломен? Тому ли, кто был наиболее жаден? А может быть, единственным выходом было дать сие поручение тому, кто любил Иисуса так сильно, что согласился воистину пожертвовать собой, на многие века став символом низкого предательства?

А вот теперь, когда читатель согласился представить себя на месте Иисуса, читателя можно поставить перед другим вопросом: Кто из вас согласился бы выполнить поручение Иисуса, если бы приказ о предательстве был дан Им Самим? Достаточно ли у тебя на это смирения и любви к Нему, или ты бы отказался? И тот, кто все-таки взял бы на себя сию тяжелейшую ношу,

не смог бы прийти к этому решению иначе, как через долгие и мучительные сомнения. И этот человек мог, решившись и исполнив повеленное, сказать: я долго не мог отважиться совершить того, что должно быть совершено, но теперь я сделал то, что Ты хотел, Твоя жизнь не прошла даром — «*радуйся* Равви [т. е. *Учитель мой*]!» (Мф 26:49). И кто мог бы отказать себе в том, чтобы последний раз поцеловать своего Учителя?

Если судить по многим переводам на многие языки, реакция Иисуса сомнительна. Он вопрошает Иуду: «Друг, для чего ты пришел?» (Мф 26:50). Однако такое прочтение не соответствует истине. Само предположение о вопросительной форме обращения Иисуса далеко переходит границу безумия. Иисус не мог не знать, для чего пришел Иуда. Ведь совсем недавно, на Тайной вечере Иисус Сам приказал Иуде: «Что делаешь, делай скорее» (Ин 13:27).

Но помимо здравого смысла существуют еще и правила греческой грамматики. Как отмечает православный священник Леонид Лутковский, это никак не может быть вопросом. Ответ Иисуса, понятый в соответствии с правилами греческой грамматики, предельно точно вписывается в нарисованную нами картину «предательства»: «Иисус же сказал ему: друг Мой [!], ты все-таки пришел»!!!¹ В своем примечании к этому стиху переводчик пишет: «Несмотря на кажущуюся *простоту* этих слов, филологи так и не пришли к окончательному выводу об их значении; в одном, пожалуй, не сомневается уже никто: это предложение не вопросительное». Да разве не знал Он, какие мучения приходится терпеть Иуде? А вдруг бы он испугался, как Петр? *Но он все-таки пришел*. И для нас значение слов Иисуса Иуде не нуждается в комментариях, и нас не удивило бы даже, если бы к этим словам Иисус прибавил: Благодарю тебя.

24.1

Для подведения итога нам нельзя не вспомнить безумную мысль: традиционное христианство учит, что Иуда Искариот совершил предательство из жадности. Что ж, допустим, что Иуда и вправду был настолько жаден. Однако отметим, ведь Иуда был казначеем двенадцати и Иисуса: «Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали» (Ин 12:6). Теперь спросим читателя: Если бы Иуда действительно был вор (ср. Ин 12:6) по плоти, не проще ли было Иуде попросту сбежать, прихватив с собой этот ящик? Ведь судя по описаниям чудес насыщения тысячных толп (Ин 6:7; Мк 6:37), денег в ящике бывало аж динариев двести.

При этом читателю будет полезно знать, что динарий был равен четверти сребреника или сикля. Иначе говоря, кража двухсот динариев была бы гораздо более заманчивым предприятием

¹ ἑταῖρε, ἐφ' ὃ πάρει.

Первое, на что обращаем внимание: в конце предложения стоит точка, которая употребляется в греческом, как и в европейских языках. Знаком же вопроса в греческом языке служит точка с запятой (;). То есть действительно это предложение не вопросительное. Ко всему в этой фразе нет διὰ τί, τί или ἵνα τί или какого-либо другого вопросительного слова.

Теперь разберем обращение Иисуса подробно:

ἑταῖρε — звательный падеж от ἑταῖρος — друг (единственное смысловое значение);

ἐφ' — сокр. от ἐπί — имеет множество значений, неприменимых к последующим словам; здесь должно переводиться как усилительное слово;

ὃ — относительное местоимение среднего рода единственного числа от ὅς в номинативе (именительном падеже) или в аккузативе (винительном падеже); в главном значении ὅς означает «который», «кто», «что» и проч.; используется также как усилительная частица, соответствующая в русском языке «же» (напр., *он же сказал*); допустимо переводить и как «все же», «все-таки»;

πάρει — настоящее время второго лица единственного числа от глагола παύειμι (активный залог, изъявительное наклонение) — буквально «ты присутствуешь», «ты здесь»; часто переводится как «ты пришел».

для жадного человека, нежели получение тридцати сребреников, что составляло лишь сто двадцать динариев.

Стоп!!!

Какова сумма, полученная Иудой, в пересчете на динарии?

Сто двадцать динариев..

Сто двадцать динариев!!!

Да ведь сие есть

$$5 \times 2 \times 12 !!!$$

Тайное и мудрое спасение!!!

Ко всем этим выводам мы пришли только лишь на основании арифмологии. Но было ли в церковной истории хоть какое-то учение, хоть какая-то ересь, сколь-нибудь напоминающая наши выводы? Ища ответ на этот вопрос, мы не сможем не вознести хвалу столь много критикуемому нами Иринею Лионскому. Ибо воистину стоило просеять все его заблуждения, чтобы все же узнать только от Иринея (Ириней. Против ересей 1.31:1) о существовании некой секты, почитавшей Евангелие, в котором были такие слова:

Он [Иуда Искарот] ... знал истину ... и совершил тайну предательства, и через него разрешено все земное и небесное (лат. *per quem & terrena & caelestia omnia dissoluta dicunt*).

Аминь.

